

Искорка

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

Год издания VI

05
ЖИ86

Искорка

№ 10

Октябрь 1962 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

Октябрь

Мне осень брызнула в окошко
Своим багрянцем, желтизной,
Упала веткой золотой,
Сверкнула медью на дорожках!..

В окошко дождик застучал,
Бросая горькие слезинки.
С продрогшей тоненькой рябинки
Злой ветер листья посывал.

Прощальный сделав полукруг,
Всей стаей птицы улетают.
Их лишь берёзки провожают,
Махая ветками, на юг.

Миша ЗИВ,
8-а класс, 243-я школа

ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА
ГОР. СТАНЦИЯ

ЧАША ТЕРПЕНИЯ

О Ч Е Р К

— Выйди из строя!..

Коля сделал два шага вперёд, и вожатая быстрыми движениями развязала ему галстук.словно на прощанье махнул он красным крылом и скрылся за спиной вожатой.

Коля молчал.

Молчал строй. Пионерская линейка стояла не шелохнувшись. Локоть к локтю, плечо к плечу. Только то место, где стоял он, Коля, зияло пустотой, словно вражеским снарядом вырвало из цепи бойца. Потом Лёша Большаков сделал шаг вправо, и строй сомкнулся, снова стал единым, сильным.

Под молчаливыми строгими взглядами Коля пошёл к двери...

...Как это всё случилось? Глупо, конечно. Гулял на пу-

стыре с одним из дружков; вначале просто играли в ножички, потом решили попугать девчонок: вскочили и, изображая каких-то дурацких пиратов, бросились на них с ножами. Девчонки, конечно, разбежались, закричали. И тут за них вступился какой-то мальчишка. В драке Колин дружок ударил девчоночьего защитника ножом. Нет, он его не убил и не ранил, — просто порезал ему пальто и портфель, которым тот защищался. Потом Колю вызывали в милицию и сказали, что он кандидат в колонию.

— Чаша терпения переполнилась! — сказали ему в учительской.

А сейчас исключили из пионеров.

Хотели ещё перевести в другой класс, но Юра Подгурский, председатель совета отряда, сказал:

— Наш он. У нас накурое-сил, пусть у нас и исправляется.

Вспоминать больше оказалось нечего. Оставалось только злиться. На вожатую, на Подгурского, на Владика Коркунова — всё равно на кого!

«Подумаешь — исключили! Ну и пусть... Меньше ругать будут. Я теперь не пионер, с меня уже не тот спрос. И без отряда проживу».

НО ДОМОЙ почему-то идти не хотелось. Холодный осенний ветер бросал в лицо дождевики. Куда-то спешили прохожие. Рядом на новостройке по кучам строительного мусора сновали грузовики с кирпичом; самосвалы в железных кузовах подвозили цемент.

Коля спустился в подвал одного из строящихся домов. Здесь было жарко: в нескольких больших железных бочках строители жгли каменный уголь — просушивали фундамент.

— Погреться пришёл? — спросил один из них Колю.

Он не ответил. Молча встал поближе к огню и задумался. Было о чём подумать!

Неожиданно Коля почувал запах палёной шерсти и тут же услышал:

— Эй, малый, горишь!

Вот уж действительно: пришла беда — отворяй ворота! На новом, только что купленном пальто красовалась дыра.

В этот день домой Коля так и не пошёл. Спрятав портфель, он зачем-то поехал на трамвае в Юмки, долго бродил под дождём по незнакомым

улицам, только к ночи вернулся и залез на чердак своего дома. В углах что-то шуршало, зелёными угольками светились глаза бездомных кошек. Было страшно, но Коля поборол страх, улёгся на какой-то ящик и задремал.

...Утром Колино место за партой пустовало.

— Его и дома нет. Не ночевал, — сообщил кто-то из ребят.

— После уроков пойдём искать, — сказал Подгурский.

А Коля снова бродил по улицам. Знакомые ремесленники принесли ему из своей столовки маленько перекусить.

Вторую ночь он тоже провёл на чердаке.

И снова скитался один по улицам, боясь попасться на глаза знакомым ребятам.

Но они его всё-таки отыскали. В этот раз не ругали. Смотрели на грязные Колины руки, на немытое лицо, перепачканное извёсткой, прожжённое пальто.

— Ты что ж, совсем решил из дома уйти? — спросила его Лиза Чижевская.

Коля молча кивнул.

— А как же жить, учиться?

Коля пожал плечами: тебе что за забота! Он избегал встретиться взглядом с ребятами, считал их чужими. Но они не были чужими: сюда, в Удельнинский парк, прибежал почти весь класс. А чего бы им бегать, если б они хотели избавиться от него?

— Ладно, хватит на ветру мёрзнуть, — прервала

молчание Таня Корнилова. — Пошли к тебе домой. Мы будем говорить с твоей мамой.

И Коля пошёл с ними домой. Как и говорила Таня, дома всё обошлось. Только пришлось ребятам пообещать Колиной маме, за него пообещать, что он, Коля, человеком станет, что будут они, пионерский отряд 6-го «А» класса 99-й ленинградской школы, глаз с Коли не спускать. Ни в школе, ни во дворе.

ХОРОШО перевоспитывать того, кто хочет перевоспитываться. А если он не хочет? Тогда все слова отскакивают от него, как от стенки горох.

После школы, пообедав, Коля выходил на улицу, бегал, прыгал, гонял мяч, — никто ему не мешал. Но ровно через два часа к нему подходила Таня Корнилова:

— Коля, пора за уроки.

— Сейчас! — отмахивался он и убегал куда-нибудь подалее.

Тогда на помощь Тане приходили Лиза Чижевская и Клава Калугина.

— Время отдыха кончилось, — строго заявляли они и почти силой уводили его со двора.

Никогда раньше не было у Коли такого жёсткого распорядка дня. Папа с мамой днём на работе, — присмотреть за Колей некому. Вот и привык он гулять сколько душа пожелает! А теперь...

Но старая привычка брала своё. Однажды, когда девочки, как обычно, проводили его

до парадной, Коля, вместо того чтобы подняться на третий этаж к своей квартире, юркнул в подвал и через окошко выбрался на другую сторону дома.

Результатов путешествия через подвальное окно оказалось два. Первый — вновь обретенная полная свобода на футбольном поле до самой темноты. Второй — двойка за неприготовленное домашнее задание.

— Ты что же делал дома? — удивилась Таня.

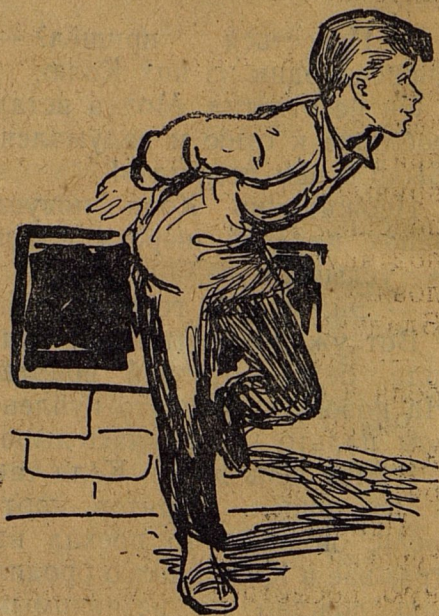
— Да так... Голова болела.

Юра Подгурский хмурился.

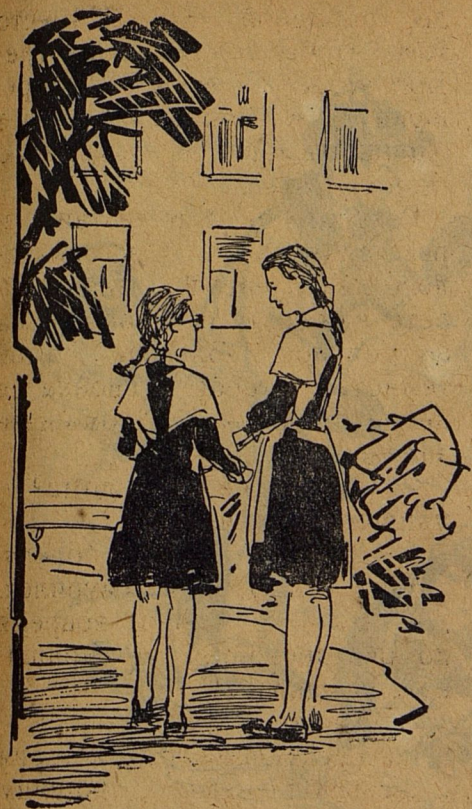
— Вы его точно вовремя домой проводили? — спрашивал он девочек.

— Точно.

На следующий день история с невыполненным домашним заданием повторилась. Коля опять ссылался на головную

боль. Юра Подгурский снова хмурился.

И снова, как обычно, провожали Колю девочки до парадной. Только на этот раз они чему-то улыбались. Коля не придал этому значения. Он привычно юркнул в подвал, подошёл к заветному окошку, подтянулся и уже вылез наполовину, когда услышал голос Владика Коркунова:

— Так, значит... Головные боли и общее недомогание.

Рядом с Владиком стоял Юра Подгурский и другие ребята. Снова почти весь класс.

Пришлось вылезать. Подгурский подошёл к Коле вплотную, посмотрел прямо в глаза:

— Мы думали, что ты человек, — сказал он, — а ты...

— Да я... Да я... — пытался что-то сказать Коля.

Но его уже не слушали.

— Пойдёмте, ребята.

И они пошли не оглядываясь, оставив его одного. Коля мог делать что угодно: бежать на площадку и гонять до одури в футбол, отправиться в Удельнинский парк... Но он поплёлся за ними:

— Ребята!..

Они продолжали идти. Если бы хоть ругались, стыдили, ну хоть стукнули бы!

Почему-то снова вспомнилась та чаша терпения, о которой говорили в учительской. Значит, и у ребят она переполнилась?

— Ребята!.. — Коля и сам не узнал своего голоса. Он побежал, обогнал их, заступил дорогу. — Ребята, я виноват... Но это — всё. Больше не буду.

— Слышали, — ответил ему Юра. — Не раз. Обещать ты умеешь.

— Да я честное... — Коля осекся. Старая привычка! Теперь не скажешь «честное пионерское». — Слово даю!

— Посмотрим...

Они не радовались и, наверное, не очень верили в его слово.

ОТРЯД жил своей обычной будничной жизнью. Ребята собирали материал для летописи школы, разыскивали давних выпускников, проводили интересные встречи, сборы.

Особенно им запомнился «Праздник осени». Пионеры

сами заработали деньги на уборке велотрека, накупили яблок, груш, дынь. Ох, и «вкусным» получился сбор!

Раньше Коля как-то не замечал пионерских дел, а теперь, со стороны, они вдруг как-то стали виднее. Даже обидно немножко: все чем-то заняты, о чём-то спорят, куда-то спешат — только ему не надо ни спорить, ни спешить... Даже шефство над детским садом стало казаться не таким уж девчоночьим занятием.

К Новому году шестиклассники решили сделать для малышей снежный корабль, вылепить из снега фигуры зверей. На работу отправлялись

весело, с шутками. Валерий Ли и Коле предложил:

— Пойдём с нами.

Особых дел у Коли не было, и он согласился.

Они сгребали снег, выравнивали лопатами борта, катали ком для трубы, а потом обтёсывали его, чтобы из шара получился цилиндр.

Коля всюду орудовал лопатой. Ему хотелось, чтобы снежный корабль получился совсем как настоящий. Дома он достал из кладовки лист фанеры, лобзик и принялся выпиливать. Работа подвигалась медленно. Коле пришлось затратить на неё ещё не один вечер. Но всё-таки он снова пришёл в детский сад,

взошёл на снежный корабль и установил ярко раскрашенное штурвальное колесо. Малыши окружили его и наперебой стали просить разрешения покрутить. Коля разрешил.

Один малыш подошёл к Коле.

— Сразу видно, что ты пионер, — сказал он. — Колесо хорошее сделал.

Коля промолчал. Не объяснять же малышу, что уже несколько раз ребята собирались принять его вновь в пионеры, но... Каждый раз в последний момент на него обрушивались двойки.

Весной он получил переэкзаменовку.

Последний звонок ребята встретили радостным «ура!». Коля молчал, — он ещё не был семиклассником.

— Будешь! — сказал ему Юра. — Садись-ка, разработаем план повторения. Ребята, кто когда летом будет в городе?

Составили расписание, и всё лето лучшие ученики класса по очереди занимались с Колей.

Порою становилось невмogu. Все гуляют, отдыхают,

а ты сиди и учи падежи, пиши бесконечные диктовки. Тогда Коля думал про своих репетиторов: «Ну и большая же у них чаша терпения!»

...На экзамен Колю провожал Владик Коркунов:

— Ты только не спеши, не волнуйся.

Обычно Коля не перечитывал написанного. И на этот раз кончил и хотел сдавать диктовку, но услышал за дверью приглушённые голоса. Он узнал голос Владика Коркунова, девочек из своего класса. Своего?! А если сейчас опять двойка? Тогда всё, — прощайте, друзья! Вам идти вперёд, а мне снова в шестой...

Коля перечитал листок. Третий раз перечитал. Как трудно положить его на стол учительницы!..

В коридоре его сейчас же окружили одноклассники:

— Ну как?..

Потом стояли у окна, ждали, пока учительница проверит диктовку.

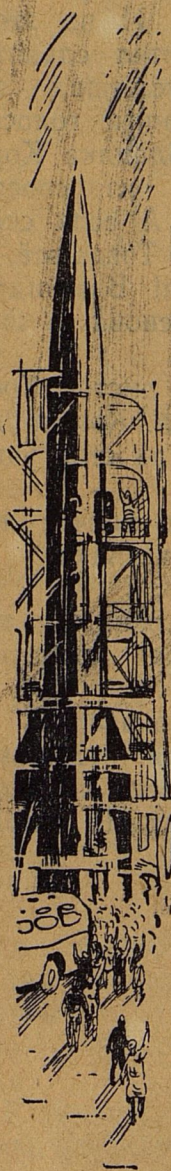
Учительница показалась в дверях спокойная, улыбающаяся, и сразу весь коридор наполнился радостным гулом.

Парни Земли голубой

Музыка Александра Мурина

Слова Василия Бетаки.

Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Песня «Парни Земли голубой».

Музыка: Александр Мурин. Слова: Василий Бетаки.

Текст песни:

сос - на.ми Се - ве.ра искры снегов, на
ю - ге желте - ют по - ля...
В кос.мо.се нету луч.ше пла.не.ты,

Музыкальная партитура включает вокальную партию и фортепианный аккомпанемент. В начале вокальной партии есть пометка *1. Под*. Динамические markings: *f* (форте), *mf* (мезо-форте).

чем го-лу-ба-я Зем-ля.

В кос-мо-се нету луч-ше пла-не-ты,

чем го-лу-ба-я Зем-ля.

ли го-лу-бой.

Под соснами севера искры снегов,
 На юге желтеют поля...
 В космосе нету
 Лучше планеты,
 Чем голубая Земля.

} 2 раза

Холодный, бескрайный и чёрный простор.
 Не скроешь ты тайны своей, —
 Как ни грози ты,
 Рвутся к зениту
 Звёзды земных кораблей!

} 2 раза

И в памяти жителей дальних планет
 Мы станем легендой живой...
 В звёздных туманах
 Идут капитаны —
 Парни Земли голубой!

} 2 раза

«ФИФА НЕСЧАСТНАЯ»

НАД Авачинской губой только что отбушевала пурга. Грязные лохматые облака ещё цеплялись за остроконечные сопки. В узких раселинах, лощинах ещё завывал ветер. Но над бухтой и прибрежным рыбацким посёлком вовсю светило солнце.

Жители посёлка начали прорывать ходы-тоннели из своих домов и вырубать в снегу ступеньки. Из школы стали расходиться ученики первой смены. Непогода задержала их на два с лишним часа, а до дома кому три, а кому и шесть километров.

Давно уже Володя Овчинников, староста седьмого класса, не возвращался домой в таком отвратительном настроении.

— Показала-таки себя, фифа несчастная! Барышня кисейная! — бормотал он, хлопая в сердцах портфелем по куполам свеженасыпанных сугробов.

Сухой, пушистый снег вздымался под ударами и окутывал мальчика искрящимся на солнце облаком.

— ...Это тебе не Джека Лондона, сидя на подушечках, читать! Не в кино про Север смотреть! Это тебе настоящая пурга! Настоящая Камчатка!

Володя прямо задыхался от бешенства. Тем более, что и он чуть было не раскис перед этой...

— Ну фифа же! Как ни поверни — фифа! — Он даже остановился, высоко поднял плечи, словно недоумевая, как можно было думать иначе.

«Фифа!» В этом слове для него заключались все пороки немощных городских девчонок тепличного воспитания, трусливых нюнь, боящихся поцарапать пальчики, замарать платье. Он презирал их.

Женя Никитина и в самом деле была, что называется, типичной городской девочкой. Тоненькая, с нежной кожей на лице и руках, с изящными, даже чуть кокетливыми движениями, мелодичным голосом и острым, очень хорошо подвешенным язычком.

В классе её встретили недоверчиво. Придирчиво осматривали, пугали ужасами камчатских стихийных бедствий и строгостью традиций. Но у неё был неистощимый запас юмора, веселья, и очень скоро от деланной холодности одноклассников не осталось и следа. Даже мальчишки стали признаваться себе, что в её обществе любая дорога по сопкам оказывалась и короче, и

ровнее. И вообще Женя оказалась чудо какой славной девчонкой. И заводила! Захочет, так всю школу на ноги поставит! Вот и забылись как-то её кружевные воротнички и тоненькие пальчики, на то, наверное, только и пригодные, чтобы бегать по клавишам. Играла-то она здорово!

И он, Володя Овчинников, ни с того ни с сего вдруг решил, что, несмотря на хрупкость, она ещё может оказаться такой же сильной и бесстрашной, каких показывают в кино, про каких пишут в книгах.

Открытие своё он хранил в глубоком секрете. И чего только на нём не понастроил! Чего только не понавыдумывал! Но стоило посильнее подуть камчатскому ветру, как разлетелись воздушные замки: Никитина отказалась лезть на школьную крышу сбрасывать снег. Где уж тут говорить о самопожертвовании и прочем... Сказала: «В классе целых восемнадцать мальчишек!» Сде-

лала этакую многозначительную паузу и добавила: «Мне не хочется терять к ним уважение».

Придумала ведь: «уважение»! Просто работы испугалась. Полегче ищет! Да так, собственно, и объяснила:

— Дайте что-нибудь другое делать. А на крышу мы, девочки, не полезем.

Он сказал ей, что настоящие пионеры поручений не выбирают.

А она ответила:

— Настоящие старосты, прежде чем поручить — думают!

И увела всех девочек двор

чистить. Хорошо ещё, что не снежную бабу лепить! Ясное дело — струсила: высоко, скользко, ветер! Белоручка рано или поздно, а выдаст себя.

Увязая в рыхлом снегу, угрюмо глядя под ноги, Володя медленно спускался с невысокого пригорка на узкую искусственную насыпь. Она пересекала глубокую затопленную низину одного из «коридоров» между сопками и в хорошую погоду служила дорогой, а в пургу и шторм превращалась в плотину, противостоявшую яростному натиску волн и громадных ледяных глыб. Выломанные бурей у берегового припая, эти глыбы громоздились одна на другую, образуя неустойчивые фантастические пирамиды. На дальнем конце под самой сопкой насыпь сильно размыло. Над образовавшейся глубокой протокой пешеходы перебросили мостик из криво сбитых брёвен и положенного на них толстого листа железа.

Выйдя на открытое место, Володя остановился, чтобы плотнее запахнуться. В лошине ветер не унимался. «Не затопило бы мостик!» — Он поднял голову и увидел Женю.

Она была метрах в пятидесяти впереди него. Ловко лавируя между острыми льдинами, прыгала с островка на островок, стараясь не попадать в незамёрзшие ещё озера, оставленные ушедшей штормовой волной. Продвигаться таким образом достаточно трудно, но издали казалось, что она заня-

та увлекательной игрой, так легки и вызывающе жизнерадостны были её движения. Раскинув руки и балансируя, как танцовщица на канате, Женя словно и не замечала пронизывающего ветра и ледяных брызг.

«Расплясалась! — ещё больше разозлился Володя. — Вот накатит волна, так небось «мама» закричишь!» — и незаметно для себя прибавил шаг.

А Женя подходила к хаосу сверкающих мокрых льдин, со всех сторон нависших над хилым мостиком. Через сильно накренившийся железный лист перекатывалось ледяное месиво. Сам лист, обледенев, превратился в горку со спуском в стремительно проносившийся поток.

Женя в нерешительности остановилась: не пройти, скользко. Она потрогала лист ногой и поспешно отступила, — сильный порыв ветра парусом надул юбку и толкнул девочку вниз, к воде. Возвращаться? Ночевать в школе совсем не хотелось. Мальчишки повели себя по-свински. И уж кому-кому, а Овчинникову она даже маленького свинства не простит! Ну ужели они сами не чувствуют, что не в трусости и не в слабости дело!.. Да и воскресенье завтра...

«В ботиночках! — ахнул про себя подошедший сзади Володя. — Туфельки бы ещё лакированные надела...» Но ругался он уже больше по инерции. Подумал было, что в своих резиновых сапогах он бы мог, пожалуй, перенести её через

мостик. О чем-нибудь таком он даже мечтал вчера ещё. Но после сегодняшнего... Уж нет! Володя представил себе, как сейчас, у Жени на глазах, он легко перемахнёт на тот берег. А она пускай как хочет. Пусть...

И вдруг со скрежетом обвалилась ледяная пирамида. Из-за спины девочки Володя не видел мостика, но услышал, как льдины упали на железо. Рядом в лужу шлёпнулся Женин портфель. И прежде чем Володя сообразил, что происходит, девочка оказалась на железном листе.

— Назад! — закричал Володя. И только потом увидел: на дальнем конце мосточка в куче ледяных обломков согнулась залепленная снегом фигурка малыша-первоклассника. Он не мог ни перешагнуть через льдины, ни даже просто выпрямиться. А они, медленно

скользя по склону, увлекали его за собой в бухту.

Короткого мгновения было достаточно для того, чтобы всё это увидеть, заметить крепко зажатый в руке мальчика громадный портфель, — ведь не бросит! — и прыгнуть на мостик вслед за Женей.

А она... Уж верно от лёгкости своей не поскользнулась. На бегу подхватила мальчика и, выскочив на берег, вместе с ним упала в сугроб.

«Отдохну и встану», — подумала она, прижимая малыша к себе. Но кто-то сильно и настойчиво потянул у неё мальчика из рук.

— Вставай, замёрзнешь! — услышала девочка и повернула голову.

Овчинников.

Он помог ей встать, сбросил с себя полушубок и завернул малыша.

Наверху, на сопке, жильё —

тепло и помощь. Но до него метров восемьсот пути в гору, по непролазному снегу. Прижимая мальчика к груди, Володя карабкался первым. Вначале неприкрытая спина болела, как от ожога. Потом он перестал её чувствовать. Но занемели руки, холод забирался всё глубже и глубже в грудь. От этого дыхание становилось коротким, а руки и ноги слабели. Он остановился передохнуть и почувствовал, что ноша выкальзывает из заочевенных рук. И всё же, перехватив её поудобнее, он двинулся дальше.

Женя остановила его:

— Побегу вперёд. Позову кого-нибудь навстречу. Только так не могу — тяжело. — Она сняла шубку, набросила ему на плечи, закрепила спереди, чтобы не упала.

— Женя! — крикнул он.

Но она уже бежала вперёд, проваливаясь, падая, грудью пробивая в снегу дорогу.

Руки у Володи стали отходить. Согреваясь, опять заныла спина. Выбежавших навстречу людей он заметил, как только они появились на гребне сопки. Увидел и пожалел: сам бы донёс!

В домике на сопке переполнилась вся семья. Мальчика вручили хозяину, и он принялся растирать его и поить горячим чаем. Женю Володя увидел посреди комнаты на стуле, укутанную в одеяло. Пожилая женщина, стоя перед ней на коленях, брала из таза горстями снег и тёрла им покрасневшие Женины ноги. По

щекам девочки одна за другой катились слезинки: было больно.

Володя глянул на печку и увидел насквозь промокшие ботинки и выжатые чулки.

— Снегу свежего принеси, — сказала хозяйка.

Он принёс и остановился рядом, глядя, как постепенно оживают Женины ступни. Она плакала, но вдруг, заметив его, сказала:

— Отойди.

— Куда? — не понял он.

— Ну отойди же!

Володя вспыхнул, быстро отвёл глаза и пошёл к двери.

С самого утра в воскресенье Володя не находил себе места. Уже переделал все домашние дела, перепробовал все воскресные развлечения и слонялся, слонялся по дому, не зная, куда себя деть.

Он не переставал думать о Жене.

Ведь должна же она в конце концов узнать хоть то, что ей следует знать: за вчерашнюю историю с крышей он признаёт себя круглым дураком.

Володя решительно оделся и вышел из дому. Он прошёлся перед домиком Никитиных раз, другой, но на дворе — никого. Дверь заперта.

Он пошёл в третий раз. Его окликнули. Он вздрогнул, оглянулся по сторонам, но никого не увидел.

— Овчи-и-инников! — донеслось откуда-то сверху.

Володя поднял голову: Женя стояла на крыше в красном лыжном костюме и с лопатой в руках. Яркое полуденное

солнце пронизывало её светлые волосы, а подрумяненное морозом лицо сияло озорной улыбкой.

Заметив его растерянность и смущение, она набрала в лопату снегу и ловким движением бросила ему на голову. Он успел отскочить и через секунду запустил в неё снежком. В ответ — хохот и новый снежный обвал. Снова снежок...

Неожиданно для себя Володя крикнул:

— Как к тебе залезть?

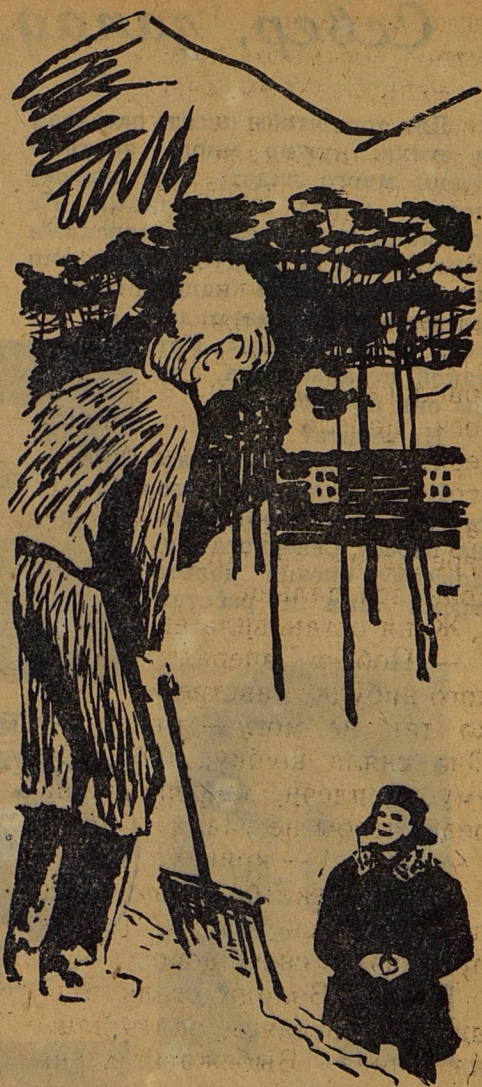
— Из сеней. Лопата в углу.

Наверху он появился с решимостью разметать все снега Камчатки, если Жене покажется это нужным. Но один вопрос всё-таки его ещё смущал:

— Женя, чем эта крыша отличается от школьной?

Она посмотрела сбоку, не поворачивая головы; сказала медленно и спокойно:

— Тем, что по ней мне лезть легче, чем маме.

— Проглотил, — покорно сказал Володя. — Полезай вниз. Там отгребай. Слышишь ты, фифа несчастная!

Север, запад, юг, восток

Для того чтобы писать рассказы и стихи, нужно много знать и очень много видеть. Вот почему поэты — народ непоседливый. На машинах и в поездах, морскими дорогами и по воздуху ездят они из края в край нашей страны, улетают и уплывают далеко за её пределы. Нет такой страны света, где бы они не побывали.

Не верите?

Тогда берите компас.

Куда указывает его стрелка? На север? Здесь на берегу Северного Ледовитого океана долгое время жил и работал

он написал забавную книжку про пингвинов «Необычайные встречи». Два других стихотворения он прислал нам.

С группой наших туристов побывала во многих странах Западной Европы ленинградская поэтесса Надежда Михайловна Полякова. А поэт Пётр Григорьевич Кобраков — частый гость на Дальнем Востоке.

Где бы ни побывали поэты — всюду полно интересного. Есть зимовщики в Арктике, есть в Антарктике; и хотя и там и там лютуют холода — люди живут по-

ленинградский поэт Вячеслав Николаевич Кузнецов. Вернулся — привёз новые стихи: читайте!

А на другом конце земного шара, во льдах холодной Антарктиды, работал в это время геофизик Сергей Александрович Смирновский. Он не только геофизик, но тоже поэт. Вернувшись,

разному, и даже льды в Арктике и в Антарктике неодинаковые.

И Тихий океан — не то, что Атлантический. И ребята нашего Приморья живут совсем не так, как дети туманного Лондона. Лучше живут, счастливее!

Крутится глобус, бегают стрелка компаса, и со всех стран света текут стихи.

*Всё больше, больше, больше строк
Про север, запад, юг, восток.*

БЫЛЬ О ГОЛУБОМ ПЕСЦЕ

Окна буран забелил молоком,
свету пришёл конец...
В тамбур забрёл
и свернулся клубком
голубой-голубой песец.
Он был поначалу совсем
нелюдим
и, видно, не мог не дрожать.
Нас было много,
а он — один:
зачем его обижать?

Мы накормили песца, чем
смогли,
и Пиратка,
наш старожил,
жалая,
долго над ним скулил
и сон его сторожил.
А утром,
когда улеглась пурга,
укрыв с головой кусты,
песец ушёл в родные снега.
и след от него простыл.

Но пург было много —
до самой весны,
и зверёк прибегал назад...
Пират с ним охотно делил мослы,
милый смешной Пират.
К песцу привязались мы всей
душой...
...Но однажды он не пришёл.

Вечер не клеился.
Чёрствый снег
под луной
на тысячи вёрст.
Пёс метался, как человек,
и правды искал у звёзд...

...На этом кончается грустная
быль
о песце голубом-голубом,
о песце,
который тундру любил,
свою колыбель,
свой дом.

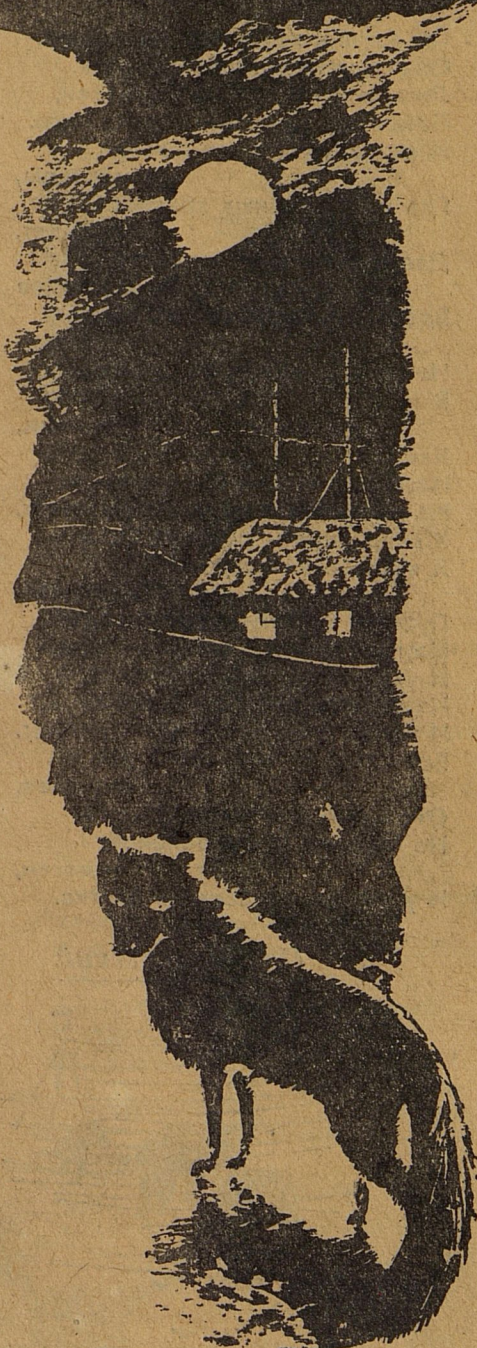

Рис. Г. Моисеевой

По Англии хожу, как по музею

По Англии хожу, как по музею.
Она благовоспитанно-строга.
Луга, как из зелёной бумазеи,
Побритые джентльменские луга.
И как в музее, сумрачном
и мёртвом,
Где на старинных креслах
не сидят,
Дворцы и парки герцогов
и лордов
Вдоль магистралей выстроились
в ряд.
Их титулы и гербы старомодны,
В просторных замках залы под
замком,
Как бабушкины ветхие комоды,
Насквозь источенные жучком.
Не из какой-то неуместной мести,
Желая видеть детские следы,
Я всех детей собрала б
из предместий,
Пустила б в эти строгие сады!
Но герцоги ещё сильны и живы
И уходить из мира не хотят, —
Из сейфов тянут золотые жилы
И чьи-то судьбы чопорно вершат.
Всё странно мне, как будто я
в музее,
Ото всего, что вижу, далека.
Не смять в полях зелёной
бумазеи,
И у дороги не сорвать цветка.

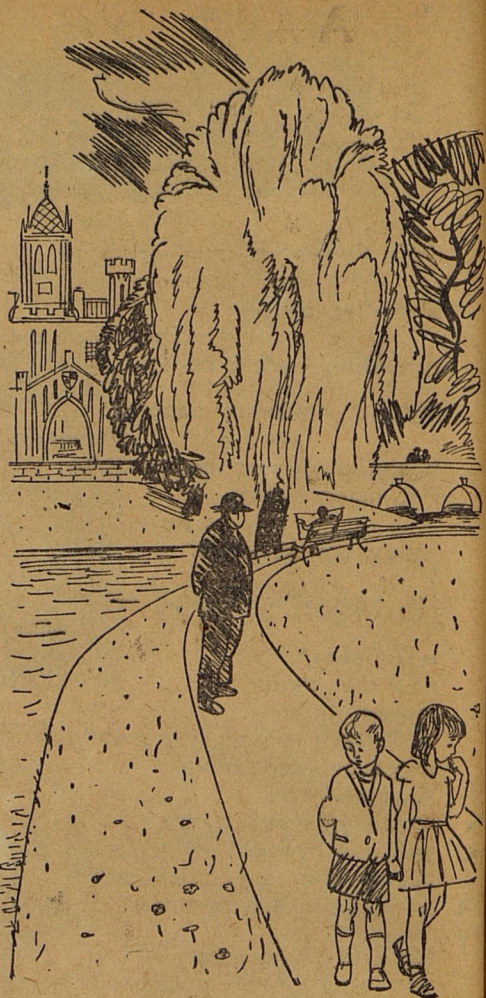

Рис. В. Иванова

С. Смирновский

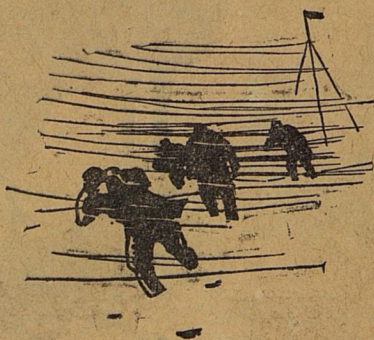

Рис. В. Адаева

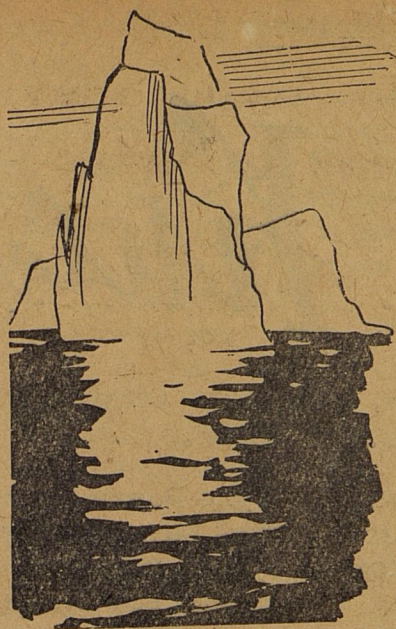
С ветром споря

Буянит ветер, как шальной:
«Здесь все считаются со мной!
Давно я властвовать привык,
Здесь, в Антарктиде, я велик!
Легко собью любого с ног,
Легко согну в бараний рог!»
Шуми!.. Но даром пыл не трать, —
Ведь разогнёмся мы опять!
Шуми... Колочий снег крути —
Собьёшь нас с ног, но не с пути!
И мы придём куда хотим!
Пусть трудно! Всё же победим!

Айсберг

Волшебная картина —
Хрусталь, напевный звон:
Родилась в море льдина
В сто сорок тысяч тонн.
В тот миг, как откололась
Она от ледника,
Я слышал, льдины голос
Взлетел под облака.
И юркие пингвины
О ней разносят весть,
Ныряют возле льдины,
А на неё не влезть!
А курс её — на север,
А путь её — далёк,
И будут волны в гнев
Бросаться на неё.
Судьба её простая:
Плывёт, чтоб встретить зной,
Чтоб стать самой, растаяв,
Бушующей волной!

Пётр Кобраков

Океан

Скрылся в скалах баклан,
Стали чаек пронзительней крики.
Потемнел океан,
Он вот-вот захочет,
Великий.

Я-то знаю — сейчас,
Сквозь тревожные шумы
и свисты,

На рыбацких судах
Принимают сигналы радисты.
Рыбаки невода
Убирают в разгаре работы
И ворчат, как всегда,
Мол, веди, укрывай мотоботы.
Закрываются окна
В посёлке, в воде отражённом,
И рыбацки сквозь стёкла

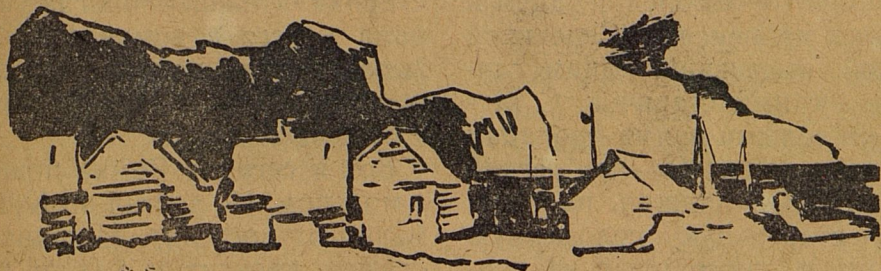
В пространство глядят
напряжённо.
А ребята спешат
С дымных сопок, поросших
бурьяном,

Их не очень страшат
Ураганы, —
дружны с океаном.

Но угрюм его вид.
Он сейчас во всю мощь
развернётся.

Чайка с криком взлетит
И к утёсу снежинкой прижмётся.
Всё, что есть, — замирай,
В ожиданье грозы неминучей!
Я люблю этот край
За суровость.

Он мужеству учит.

Кузьмич

КУЗЬМИЧ для Ромки Устюгова чужой человек. Ну, не совсем чужой, потому что сосед. Про соседа всегда что-то знаешь, и он что-то знает про тебя. Выходит, не такие уж чужие люди! С соседом здороваешься, спросишь что-нибудь. А чего-то и не спросишь, если знаешь, что это ему будет неприятно...

Ромка не спрашивал у Кузьмича про Ксению, его дочку. Жила она в городе, когда-то частенько наведывалась к отцу, а с тех пор, как вышла замуж, ни разу не навестила. Люди отзывались об этом неодобрительно, особенно кто постарше, но всегда за глаза. А при встречах с Кузьмичом про Ксению не поминали.

Служил Кузьмич когда-то бухгалтером на кирпичном заводе, потом заболел сердцем и вышел на пенсию. Седенький такой, лысенький, одним словом, уютный старичок. С весны он целыми днями пропадал в своём саду. Наденет лёгкий полотняный пиджак, на голову — старенькую соломенную шляпу и примостится на кор-

точках у пчелиного домика. Сидит, чем-то тихонько занимается: не то разглядывает пчёл, не то разговаривает с ними шепотком.

А ещё Кузьмич разводил цветы. Розы и гладиолусы. Однажды он Ромке подарил розу. Срезал ножницами и даёт.

Ромка даже удивился: ему, мальчишке, и вдруг цветок! Это девчонкам цветы дарят... Но глянул на Кузьмича — лицо у него светлое, праздничное.

— Спасибо, дядя Кузьмич! — почтительно поблагодарил Ромка.

Дома он похвастался, что получил в подарок от Кузьмича розу, и не без гордости поставил её в стакан с водой.

Ромкина мать стирала для старика бельишко, иногда убирала у него в комнате и каждый вечер, подоив корову, посылала Ромку к Кузьмичу с бутылкой молока.

Вот и сегодня Ромка пошёл с молоком. Но застал он Кузьмича в постели. Морщится старик, кричит и как-то не-

правильно дышит. Испугался Ромка, прибежал домой: так и так...

— Беги за доктором! — всполошилась мать. — Это у него приступ... Не ровен час, помрёт... Беги, сынок, а я посижу у Кузьмича.

Ромка кинулся в Лучинщино. Пока добежал, пока привёл запыхавшегося доктора, наступила ночь.

— Ты что ж это, старина? — с шуткой обратился к Кузьмичу доктор. — Ведь и я не моложе, а бегаю... Опять мотор разладился? Ну-ка, давай твой пульс.

Кузьмич не ответил. Белый как бумага лежал он на кровати. На лбу и на лысине выступили крупные капли пота.

Порывшись в чемоданчике, доктор вынул шприц, какую-то крохотную бутылочку с запаянным горлышком и, отбив горлышко, насосал из неё в шприц лекарства.

Ромка ожидал, что после укола Кузьмич сразу выздоровеет и всё будет по-прежнему хорошо. Но Кузьмич не выздоровел. Он всё ещё неправильно дышал.

Доктор нахмурился, подошёл к окну, распахнул его настежь, потом сел за стол и написал рецепт.

— Вот, — сказал он Ромке. — Одна нога тут, а другая — в Кольцове! Получишь по рецепту кислородную подушку и мигом обратно.

Ромка побежал. Шесть километров в оба конца для него не путь. Дорога знакомая,

ночь светлая. Успеть бы только.

«Если уж укол не помог, — думает Ромка, — значит, плохи дела Кузьмича. Но кислород поможет! — подбадривает он себя. — Иначе зачем бы доктор посылал меня да ещё так торопил?»

На небе высыпали звёзды, горел месяц, где-то в траве стрекотали невидимые кузнечики, а в ближних кустах начали пробовать голоса соловьи.

Бежит Ромка и думает: «Кузьмич хоть и старый, а жить ему, наверно, хочется, как и всем. Как и мне...»

Дорога спустилась в лощину, перемахнула мостик, взбежала на пригорок, и вот оно, Кольцово. Аптека в самом центре села, возле школы, в окнах горит свет.

Ромка ввалился в аптеку, подошёл к прилавку:

— Вот. Дайте кислород...

Седой провизор надел очки, прочитал рецепт, потом виновато посмотрел на Ромку.

— Нету кислорода! — вздохнул он. — Второй день бедствуем... И о чём они там думают, на складе...

— Как нет? — побледнел Ромка. — Он же помирает!

Аптекарь безмолвно развёл руками.

Постоял Ромка ещё с минутой и молча поплёлся к двери. Даже «до свидания» не сказал.

Сперва шагом пошёл он в обратный путь — теперь уж некуда торопиться! — потом побежал. Бежит и плачет. Злость душит Ромку, никак он

не может понять, почему это нет кислорода, если он позарез нужен. Неужели ж умирать человеку из-за того, что нет какого-то несчастного кислорода!

И вдруг Ромка остановился. Как это он забыл? Как это у него из головы выскочило!?

Круто повернувшись, Ромка кинулся обратно. Миновал Кольцово, перемахнул овраг и так нагдал вдоль Чуриловской железнодорожной ветки, что из него пар повалил. Он не вернётся с пустыми руками. Ромка знает, где достать кислород!

НЕДЕЛИ три назад, как только начались каникулы, Ромка с товарищем отправился на Чуриловскую железнодорожную ветку посмотреть, как строится новый элеватор. Сперва ребята постояли над карьером, любуясь, как экскаватор нагружал самосвалы гравием, потом забрели на строительную площадку. Спустились в котлован, разговорились с арматурщиками, которые плели замысловатую сетку из стальных прутьев.

— Сетка, говоришь, для чего? — охотно вступил в разговор с Ромкой пожилой арматурщик. — Без неё никак. Тебе доводилось видеть скелет?

— У нас в школе стоит скелет, — похвастал Ромка. — А ещё несколько рыбьих скелетов есть. Ребята принесли. Кинут рыбину в муравейник — и, пожалуйста, скелет готов!

Муравьи мясо сожрут, одни кости оставят...

— Ну вот, а для чего рыбе кости? — перебил арматурщик.

— Как же без костей! — засмеялся Ромка. — Как же она будет в воде хвостом шевелить без костей? Шутите!

— Зачем, не шучу! — серьёзно сказал арматурщик. — Рыбе, выходит, скелет нужен, человеку тоже. А элеватору? Эта сетка — тот же скелет, только стальной.

Ромка хотел ещё что-то спросить, но неожиданно увидел невдалеке человека с огнём в руках.

— Гляди! — толкнул он Славика. — Что это у него за примус такой?

— Какой тебе примус...

Ребята подошли поближе и начали глядеть во все глаза. Рабочий в прожжённой во многих местах брезентовой робе держал в руке небольшую медную кривульку, и из неё, тонкое, как жало, било синеватое пламя. Вот рабочий опустил на глаза заслонку с тёмным стеклом, присел на корточки к толстому, в три пальца, железному листу, расчерченному мелом. Проведёт пламенем по меловой линии, и в металле появляется щель. На глазах от листа отвалился вырезанный круг величиной с решето.

После разговора с арматурщиками Ромка возомнил, что здесь, на стройке, каждый с ним запросто побеседует. Бесстрашно приблизившись к рабочему в прожжённой спецовке, он спросил:

— Дядя, чем это вы железо режете?

Рабочий не ответил, даже не оглянулся.

— Дя-дя! — понастойчивей позвал Ромка.

— А ну брысь отсюда! Прилип! — загремел рабочий, откинув с лица свою тёмную заслонку.

Глянули ребята — и наутёк. Небритое, хмурое лицо рабо-

чего не сулило им ничего хорошего.

Отбежали за угол, остановились. Тут Ромка заметил два металлических баллона. Они стояли в тени, прислонённые к стене, один белый, а другой голубовато-синий. От их коротких и узких горловин спускались резиновые шланги и уползали куда-то за угол. И ещё какие-то круглые ко-

робочки были ввинчены в горловины. А в коробочках под стеклом — циферблаты и стрелки. Стрелки стоят на месте, но Ромка догадался, что они могут двигаться.

— Стукни! — посоветовал Славик.

Ромка поднял небольшой обломок кирпича и легонько ударил по коробочке. Стрелка чуть вздрогнула. И тут Ромка заметил возле коробочек небольшие колёсики. Даже не колёсики, а круглые рукоятки вроде тех, что бывают на водопроводных кранах. Ромка чуть повернул рукоятку. Стрелка подвинулась на пару делений. Тогда он крутнул смелее. Здёрово крутнул!

И в то же мгновение раздался выстрел. Шланг как ножом срезало! Конец его со свистом мелькнул в воздухе, чуть не задев Ромку. А в горловине как зашипит!..

Ребята кинулись прочь. Ромка отпрянул было за угол, но, как ошпаренный, метнулся обратно: он чуть не столкнулся с тем самым рабочим, который резал железо огнём.

— Ошалели! — крикнул рабочий громовым голосом. Он подскочил к баллону, завернул вентиль, потом вскинул над головой оба свои огромные кулака и, не находя слов от ярости, затряс ими в воздухе: — Кислород!.. Полтора атамосфер! Черти вас носят... Ну, попадёте вы мне — убью!

Ребята были уже далеко. Не очень-то они поняли, что означает полтора атамосфер, но

угрозу приняли в расчёт: такой злющий и вправду убьёт!

Ромка досадовал: теперь на стройку не сунешься! Этот дядя, конечно, расскажет всем рабочим о его проделке. Чего доброго, дойдёт ещё слух до матери. Тогда уж и вовсе хоть провалисьсь...

ПРОБЕЖАВ с километр, Ромка перешёл на шаг. Потом остановился. Потом сел на траву в раздумье:

«Даст он мне кислород, как же, держи карман! Вот по шее нахлещет — это уж как пить дать! Кузьмич ему не брат, не сват. Что за расчёт давать кислород для какого-то старика, которого он и в глаза-то никогда не видел? Не даст! Лучше и не соваться. Скажу доктору: нету, мол, в аптеке кислорода. Так его и вправду нет. И никто не осудит...»

Но Ромке почему-то стыдно. «Люди не осудят!.. А при чём тут люди? Струсил ты, Роман Устюгов, так и скажи! Ты ж предатель... Ты ж человека чуть не убил. Кузьмича...»

Вскочил Ромка, побежал. Ему и стыдно, и злость разбегается. Вспомнилась почему-то Ксения. Она сейчас, поди, дрыхнет в мягкой постельке и видит какие-нибудь пустяковые сны. Ей и дела нет, что тут отец умирает. Называется, родная дочь... Ввалить бы ремня, чтоб не забывала отца, трысогузка!

Стройка, которая днём похожа на весёлый муравейник, ночью совсем не та. Ночью на ней даже страшно. В котлова-

не чёрно. Неподвижный кран отбрасывает длинную-преддлинную тень. Замер, опустив хобот, экскаватор. Кажется, за штабелями досок и кирпичей кто-то притаился и ждёт только удобного момента, чтобы схватить тебя.

Ромка постоял с минуту, соображая, как бы ему найти хоть сторожа.

Покашлял, прислушался. Тихо.

— Есть тут кто? — подал он голос.

Не ответили.

Тогда Ромка забрался в стоявший поблизости самосвал и со злостью надавил кнопку сигнала.

Тотчас откуда-то из темноты послышался старческий с хрипотцой голос:

— Кто сигналит? Спятил, что ли?

— Я сигналю! — ответил Ромка. — Где вы там?

— Я-то на месте, а вот ты какого лешего забрался в машину и хулиганишь?

— Не хулиганю, это я сторожа зову.

— А зачем тебе сторож среди ночи? Ты что, министр?

— Человек умирает, — тихо сказал Ромка.

Собеседник сразу переменял тон и предстал перед Ромкой в длинном брезентовом дождевике, в зимней ушанке. На плече у него висело стволом вниз ружьё.

Ромка торопясь поведал старику о своей беде. Тот выслушал с большим вниманием, почесал за ухом:

— Тебе, стало быть, сварщик нужен, — пояснил сторож. — Он заведует кислородом и всякой другой химией. Только малость ты, парень, не вовремя...

— Ну да, — смутился Ромка. — Разве б я посмел ночью? Так человек же при смерти...

— Не в том дело, — замялся старик. — Как бы это тебе поделикатнее объяснить... У нас, понимаешь, некоторые спят — не добудишься. А этот самый сварщик, Язь по фамилии, не в настроении. Одним словом — лют. Как ты с ним столкнешься, ума не приложу. Однако пойдём. Покажу тебе Язя.

В тёмном коридоре барака старик ощупью нашёл нужную дверь и, отворив, повернул у порога выключатель.

В комнате стояло шесть

коек. Несмотря на отворенное окно, было душно.

— Вон тот у окна и есть Язь, — указал сторож. — Буди.

Ромка подошёл к изголовью кровати, потоптался, потом спросил:

— Как его по имени-отчеству?

— Сергей Антипович, — сочувственно ответил сторож. — Буди смелей!

Легко сказать — буди! А если этот человек на тебя зуб имеет? Если он сейчас как схватит своей волосатой ручищей!..

— Дядя, а он, этот сварщик, здорово сердитый? Дерётся? — шёпотом полюбопытствовал Ромка.

— Насчёт дерётся не скажу, не видел. А вообще-то мужчина характерный.

— Может быть, вы разбудите? — просительно улыбнулся Ромка.

— Ну нет, буди сам! Ты чужой человек, чужих он больше уважает.

Делать нечего, Ромка отважился.

— Дядя Сергей Антипович! — негромко позвал он, наклонившись к лицу спящего.

Язь открыл один глаз и тут же снова закрыл:

— Ну?

Ромка не понял, во сне он проговорил это «ну» или наяву.

— Дядя Сергей, вы уже проснулись? — выждав, спросил он.

— Ну?

Ромка оглянулся на сторо-

жа. Тот тоже стоял, недоумевая.

— К тебе, Антипыч, человек по делу, — возвысил голос старик. — А ты заладил своё «ну»!

Язь сладко зевнул, огляделся:

— А где ж человек?

— Перед тобой стоит. Не видишь? Вот этот парнишка и есть человек.

Язь глянул на Ромку. В сонных глазах его, как показалось Ромке, зажглись свирепые огоньки. Неужели узнал? Сейчас как даст!..

— Ну? — спросил Язь.

Ромке бы тут и объяснить суть. Но он со страху понёс совсем несусветное:

— Вы меня помните, дядя?

— Очень надо мне всех мальчишек помнить! Достаточно, что помню того огольца, который кислород выпустил, шланг порвал давлением...

— Так это же был я! — выпалил Ромка, чувствуя, что губит всё дело.

— Ты? — наострил глаза Язь. — А ведь и верно. Вот чудеса! Чего ж тебе ещё?

— Дайте кислороду...

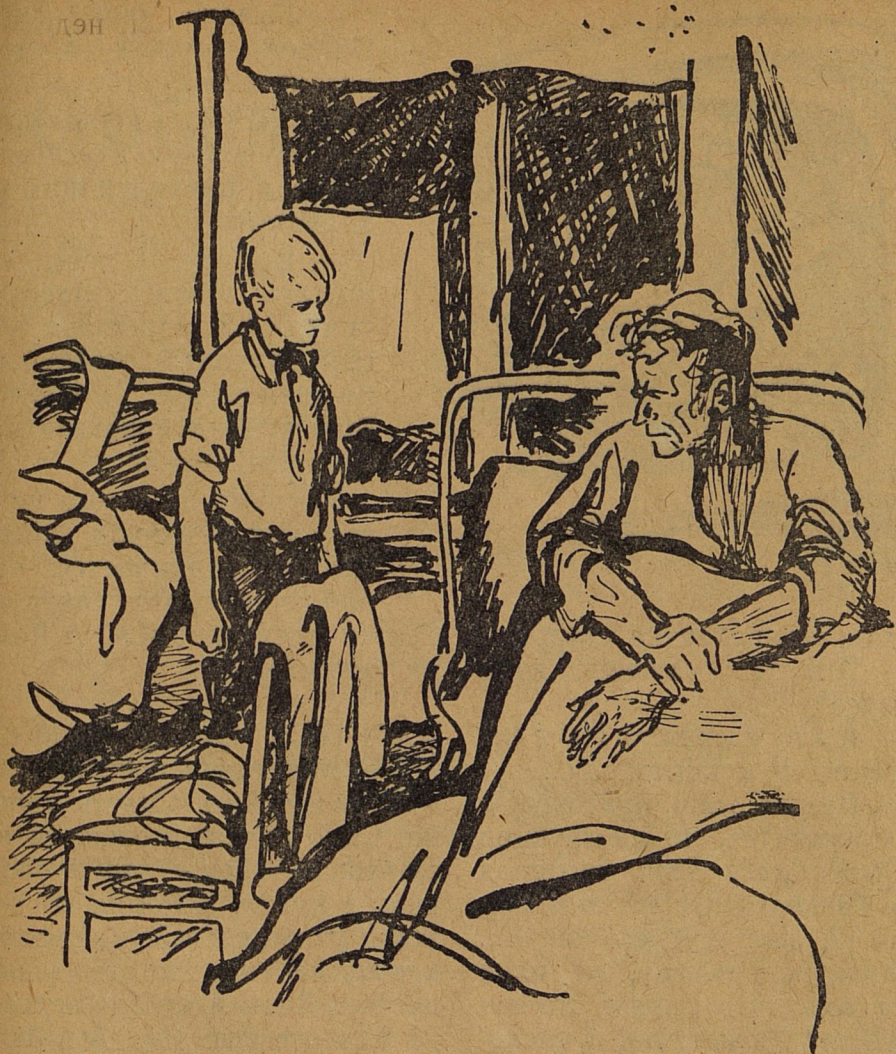
— Что-о! — протянул Язь, закипая. — Опять за старое? А ну брысь отсюда!

— Не уйду! — обозлился Ромка.

Язь вскинул руку, намереваясь схватить Ромку, но не достал. А Ромка даже с места не сдвинулся. Ершистый, бледный. Но стоит, как врытый.

Увидев такой неожиданный оборот дела, сторож встал между ними.

— Сдурел? — внушительно сказал он Язю. — Тебе повторять? Сказано, что по делу парнишка!

— Так он же насмехается. Поддай ему кислород!..

— А ты поинтересовался, что у него за надобность?

Видя, что Язь начал остывать, Ромка выглянул из-за плеча сторожа, пояснил:

— Мне же не для себя... Для больного... В кольцовской аптеке нет, а Кузьмич умирает... Где ж мне достать ки-

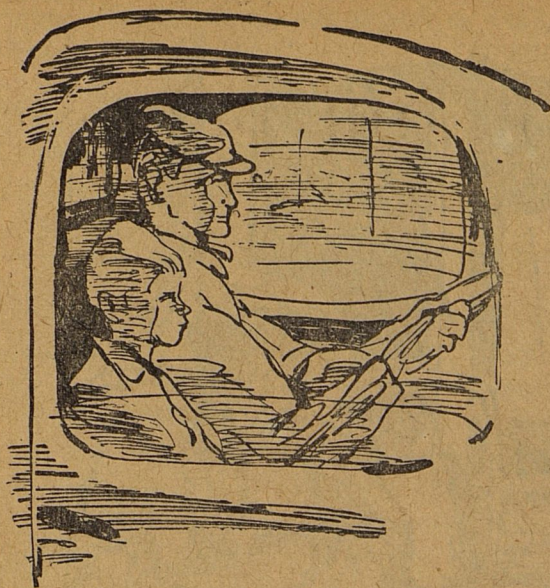
слород? Вот и прибежал к вам.

— Что за Кузьмич? — примирительно спросил Язь.

— Сосед. Он уже старей, — проговорился Ромка и пожалел, испугавшись, что для старого Язь не даст кислорода. — Замечательный старичок! У него сейчас приступ... А доктор сказал: «Тащи, Роман, кислород! Чтоб одна нога тут, а другая в Кольцове!..»

Язь сел на койке, почесал волосатую грудь, соображая.

— Правда твоя, дядя Лаврен. Пускай доктор разбирается!

Он встал, прошлёпал босыми ногами к угловой койке и принялся кого-то расталкивать:

— Выручи, Семён, не поставь в труд. Заводи, брат, МАЗ. Парнишка тут, мой знакомый, прибежал за кислородом. Там человеку худо, в приступе находит. Понял?

У Ромки ни с того ни с сего как брызнули слёзы! Вот он, оказывается, какой человек, этот сварщик

Сергей Антипович Язь! А Ромка-то думал...

Потом оглянулся на сторожа:

— Что ты скажешь, дядя Лаврен?

— А что я скажу? Не я же приставлен к кислороду...

— Всё ж таки присоветуй. Я, понимаешь, по инструкции не могу дать этот кислород для больного. Он же технический. А там шут его знает... Скажи, к примеру, не один чёрт вода, что сырая, что кипячёная? Может, так и кислород... Но опять же инструкция...

— А ты пошли доктору эту самую инструкцию, — съязвил сторож. — Может, от неё больному и полегчает.

Язь хмуро посмотрел на старика:

МЧИТСЯ по дороге МАЗ. Ромка сидит в кабине на мягком сиденье. Сидеть удобно. Одно плохо: держаться не за что. Шофёру — что! У него руль в руках, а Ромка на каждом ухабе достаёт макушкой крышу кабины. Но это сущий пустяк. Ведь в кузове верхом на баллоне едет Язь. А в баллоне кислород, который раздобыл Ромка.

Кислород! Полтора атамосферы! Этот сладкий воздух поставит на ноги Кузьмича...

«Дядя Семён, милый, газуй! МАЗ, дружище, не подведи. Быстрей крути свои колёса!..»

Орбита идёт вверх

ПОДУМАЕШЬ: «Хочу быть космонавтом!»

Все теперь хотят быть космонавтами!

Время такое: орбита идёт вверх.

Я себе давно программу подготовки выработал. Думаете, просто так? Написал на листочке колонки да строчки, и всё? Ничего подобного. Так только с режимом дня бывает. С ним точно: напишут, когда спать, когда вставать, повесят на стенку и дрыхнут потом до двенадцати.

А у меня программа настоящая! И на стенке она не для того, чтобы дырки на обоях маскировать. Раз решил — надо выполнять.

Вот математику я уже звёздочкой отметил. Сказано — сделано: с тройки на четвёрку. Орбита идёт вверх!

С математики я прямо на карусели пересел. А что вы смеётесь? Космонавт Николаев, когда в Москве в парке культуры был, тоже все аттракционы перепробовал и сказал: ничего, годится для первоначальных тренировок. А карусель — это почти что центрифуга.

Не верите? Сенька Пёрышкин тоже не верил, а сел — и с первого же раза закружился. Вылез — качается.

— Ерунда это, — говорит, —

самое главное для космонавта — смелость! Надо сначала смелость тренировать.

— Вон, — говорит, — парашютная вышка. Залезай. Сразу две пользы: во-первых, смелость тренируешь, а во-вторых, учишься овладению парашютом.

Всё правильно. Вышка необходима. Орбита идёт вверх.

Купил я билет, дождался своей очереди и полез.

Лесенка туда — будь здоров! Это вам не в лифте кататься. К тому же ветерок. Ну и, конечно, высота. На то она и вышка!

Вниз я старался не глядеть.

Залез. Подхожу к дяденьке инструктору, корешок от билета показываю. А он на корешок и не смотрит. Он на меня смотрит:

— Ты где билет взял?

— В кассе.

Инструктору это почему-то не понравилось.

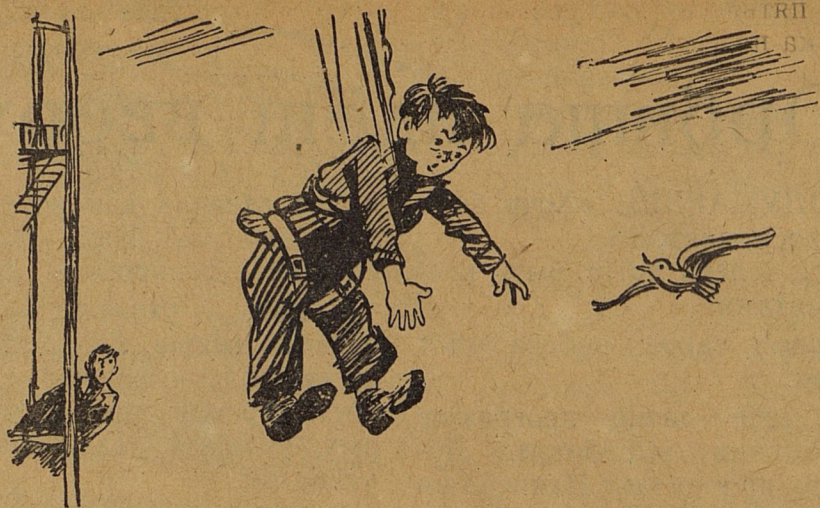
— Опять не смотрят, кому дают, — говорит. — Сколько тебе лет?

— Тринадцать, — отвечаю. А какая разница: тринадцать или одиннадцать? Для космоса чем моложе, тем лучше.

— А весишь сколько?

— Пятьдесят, — говорю. А какая разница: пятьдесят или сорок? Для космического корабля чем легче, тем лучше.

— Н-да... — говорит инструктор. — Жидковат ты вроде. И что мне с тобой делать? Только очередь задерживаешь.

— Я не задерживаю, — говорю. — Я, пожалуйста, готов.

Инструктор ещё раз на меня посмотрел.

— Ну, ладно, — говорит, — поворачивайся.

Обвязал он меня широким ремнём. Потом ещё какими-то лямками опутал. Затянул так, что и дышать нечем.

— Готов! — говорит.

Готов так готов. Вышел я на старт. Закрыв глаза. Взял и прыгнул. Прыгнул и лечу. Лечу, лечу, а потом меня как дёрнет кверху! Я даже обратно подпрыгнул. «Ага, — соображаю, — это парашют раскрылся. Сейчас начнётся плавное приземление».

Вишу. Жду, когда оно начнётся.

А оно не начинается!.. Ни плавное, ни неплавное — ни-

какого приземления не начинается!.. Вишу, и всё тут!

«Как же так? — думаю. — Что теперь делать? Главное, конечно, спокойствие».

Космонавт Николаев всегда так говорит. И я тоже. Сказал — и успокоился. Спокойно-спокойно вишу. Оцениваю создавшуюся обстановку. Делаю вывод: попал в невесомое состояние.

А ведь это здорово! Не всякому дано в зоне земного притяжения невесомость испытать! Такими моментами надо уметь пользоваться. Распластал я руки и делаю большие гребки по воздуху. Ногами тоже баттерфляю.

— Да не дрыгай ты! — слышу. — Ещё из постромок вывалишься, одуванчик несчастный!

Вижу, инструктор по лестнице спускается. Встал как раз напротив того места, где я попал в состояние невесомости.

— Так сколько ж ты вешишь? — спрашивает. — Где

твои пятьдесят килограммов?! Сорока пяти нет. Понятно? Не тянешь ты — понятно? Противовес не срабатывает.

Ну, тут уж я не виноват!.. Если там что-то не срабатывает — это техника виновата. Не следят за ней как следует — вот и пожалуйста... Хорошо, ещё у парашюта в куполе дырки нет!..

Инструктор махнул на меня рукой и полез обратно на вышку.

А я вишу.

Вот здорово получается!

У них там что-то не срабатывает, а мне, значит, виси. Между небом и землёй жаворонок вьётся!.. Как же я теперь домой пойду?

— Сенька! — кричу. — Ты без меня домой не иди. А то мама, знаешь...

Тут на вышке что-то затахтело, залязгало, и меня

опять потянуло в высоту. А что? И правильно. Раз вниз не получается, — значит, надо обратно. Орбита идёт вверх.

С вышки мне пришлось спустаться пешком. Сенька меня встречать кинулся.

— А ты, — говорит, — молодец! Не испугался. Смелость у тебя это...

— На должной высоте! — отвечаю.

— А что ты там испытывал, когда висел?

— Как что? Чувство невесомости испытывал.

Дома мне всё-таки попало. За опоздание.

Но это ничего. Тренировок я всё равно не брошу. И парашют этот рано или поздно перетяну. И хотя на нём летают только вниз, — это тоже неважно. Всё равно орбита идёт вверх!

А. Шибаяев

«Тонкая» работа

Ура!
Из пластилина
Я вылепил
Кота.
— Прекрасно!
Молодчина!
Какая красота!

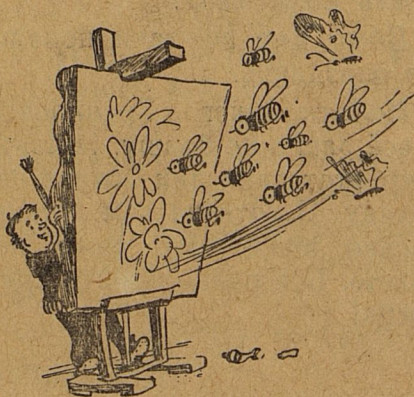
Как правильно!
Как тонко! —
Хвалил меня отец. —
Какого
Поросёнка
Слепил ты!
Молодец!

Про художника рассказ, да к тому же — и про нас

★ РЕБЯТАМ-
ОКТАБРЯТАМ

Замечательный художник,
Всем художникам художник,
Поселился в нашем доме,
И о нём пойдет рассказ.
Рисовать начнёт, —
И что же?
Всё выходит так похоже!
Так похоже!
Ну, а всё же,
Всё же лучше в тыщу раз!

Рисовал он сад с цветами, —
С поля пчёлы с мотыльками.
Прилетели и расселись
На картине — на цветах.
Рисовал он мыш-малышку, —
Увидала кошка мышку,
Да как прыгнет на картину;
Закричал художник:
— Ах!

А ещё лесок зелёный
Рисовал он: липы, клёны.
Кончил вечером; на стену
Холст повесил он — и лёг.
Утром смотрит: что за чудо?
На холсте — грибы...
Откуда?..
За ночь выросли, —
Решили:
Настоящий тут лесок.

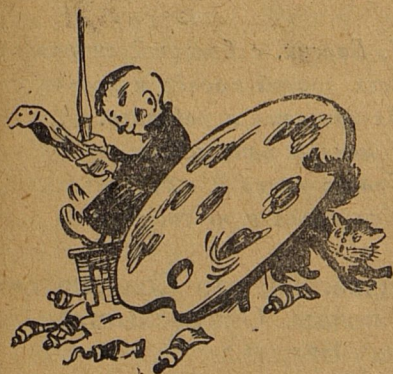
Взял художник три корзины
И собрал грибы с картины;
Он зажарил их в сметане
И позвал соседей — нас:
— Эй, ребята!
— Что такое?
— Приходите есть жаркое!..
Мы отведали жаркого
И сказали:
— Высший класс!
Мы тарелки облизали
И сказали:
— А нельзя ли,
А нельзя ли завтра снова,
Снова нам здесь побывать?
Потому что, между прочим,
Захотелось очень-очень,
Очень-очень захотелось
Научиться рисовать!
— Что ж, — сказал художник, —
Просим!..
Пять-ноль-девять-сорок восемь!
Магазин? Пришлите красок! —
Пробасил он в телефон, —
Тонну красок!..
Стойте, — мало!
Две!.. А лучше три, пожалуй!
Нет, не три, — четыре тонны!..
Э, да что там, — десять тонн!

Рисунки
Г. Ясинского

И теперь у нас, как в сказке,
И носы и уши — в краске:
Мы рисуем,
Мы рисуем,
Мы рисуем целый день.

Не беда, что не похоже!
Не похоже, — ну и что же?!
Ничего, что вместо тигра
Получается... тюлень!

Ничего, что наша кошка
Перепутала немножко:
Мы ей мышь нарисовали,
Чтоб она когтями — хватить!

Зашипев и выгнув спину,
Кошка — прыг!..
Не на картину,
А в испуге — от картины,
От картины — под кровать!

Приходите!..
Вам в подарок
Нарисуем без помарок
Самый-самый-самый яркий,
Самый лучший ваш портрет.
Завтра в шесть, без опоздания,
Приходите!..
До свиданья!..
Самый-самый-самый жаркий,
Самый жгучий наш привет!

И. Феона

СКАЗКА

БАРСУК

ЕСЛИ вы хотите узнать про Барсука-лентяя, Барсука-притворщика, то прочтите эту сказку.

Жил этот Барсук в глубокой норе. Норку выкопали ему друзья. Они трудились, а Барсук в это время лежал и храпел:

— Ах я несчастный, я опять простудился!

Барсуки жалели его и несли ему лекарство.

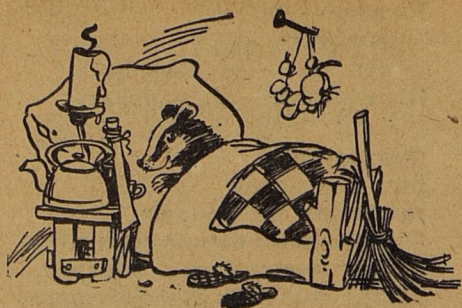
— Набросайте побольше листьев в норку, я боюсь сквоз-

няков. При моём слабом здоровье сквозняки — это гибель.

Друзья набросали в норку как можно больше листьев, и

На радостях, что так ловко
провёл друзей, он сочинил пе-
сенку, которую и распевал во
весь голос:

*Я, Барсук, с большой сноровкой,
Всех друзей провёл я ловко,
Их заставил я работать.
У меня ж одна забота —
Только спать и есть,
Мне хвала и честь!*

в норке сразу стало тепло и уютно.

И зажил Барсук в своё удо-вольствие. Сладко и долго спал, выходил из норы только в гости, чтобы вкусно поесть. Однажды он еле дотащился до дому, — до того наелся.

«Лень ходить в гости, пусть приносят еду домой, — решил Барсук. — Надо притвориться слепым. А по ночам буду выходить и дышать свежим воз-духом».

Утром, когда барсуки про-ходили мимо норы, они услы-шали жалобные возгласы:

— Я ослеп, меня убил сол-нечный свет!

— Бедняга! — пожалели его доверчивые барсуки. — Это наш болезненный друг! Как ему не везёт!

С этого дня барсуки прино-сили в норку вкусные корни растений, лягушек, полевых мышей.

— Спасибо, что не остав-ляете слепого, — сладким го-лосом говорил притворщик. — Ваши добрые дела не забу-дутся.

Когда ночью всё погружа-лось в сон, Барсук выходил подышать свежим воздухом.

Известно, что Сова не спит по ночам. Она услышала пе-сенку Барсука.

— Какие красивые слова у этой песенки. Выучи меня, по-жалуйста, — попросила она Барсука.

— Хорошо, повторяй за мной.

Сова была хитра. Она повто-рила песенку и тут же попро-сила Дятла выдолбить слова клювом на коре деревьев.

Утром Сова привела к дере-ву барсуков, прочла им песен-ку и рассказала о том, кто так весело распевал её прошлой ночью.

Барсуки вначале не повери-ли, затем возмутились и заго-ворили все хором, так, что ни-чего нельзя было разобрать.

— Не говорите все сразу, — сказал самый старый и муд-

рый Барсук. — Обманщика надо проучить. И я скажу вам, как это сделать.

На следующую ночь Барсук вышел погулять. Почти всю ночь он прогулял и пропел, а когда начало светать, надо было возвращаться домой. Но где же норка? Где же уютный и тёплый дом Барсука? Всё было засыпано землёй так, что и следов не найти.

— Где моя норка, кто сровнял её с землёй?! — закричал не своим голосом Барсук.

— Не волнуйся, тебе это вредно, — выходя из кустов и хитро улыбаясь, сказал самый старый и мудрый Барсук. — Хоть ты и ослеп, однако увидел, что твоя норка засыпана землёй.

Барсук растерялся и не знал, что ответить.

*Ты — Барсук с большой
сноровкой,*

*И друзей провёл ты ловко,
Больше нас ты не обманешь,
Даром есть и пить не станешь.*

Услышал Барсук голоса своих доверчивых друзей, притаившихся в кустах, и стало ему стыдно. Опустив голову, он убежал в самую гущу леса.

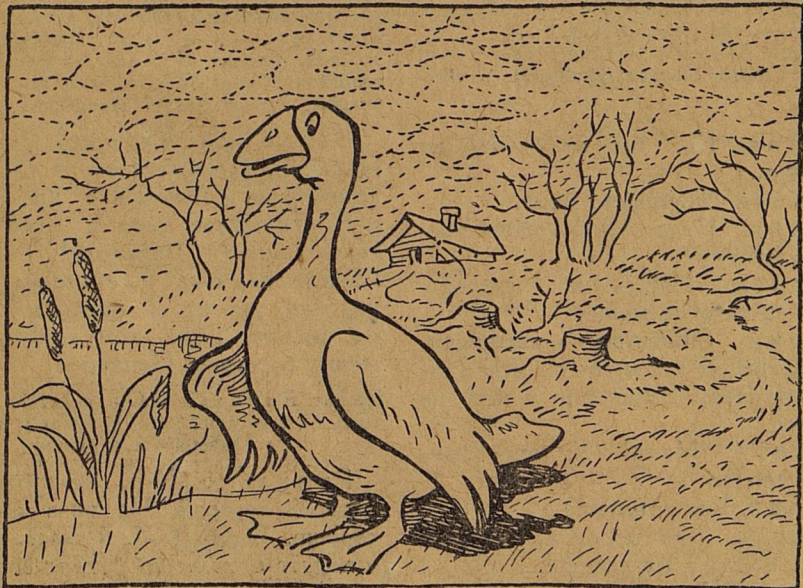
А когда стало темнеть, Барсук начал копать себе норку, чтобы не замёрзнуть. Днём ему приходилось добывать пищу, чтобы не умереть с голоду.

Он, кажется, постепенно привыкает к работе. Зайдёмте в лес, посмотрим?

✱

Кого боится гусь?

(Загадочная картинка художника К. К. Бекташева)

На юг спешат десятки стай.
Сколько птиц в них? Сосчитай!
А на земле остался гусь.

— Га-га-га! — кричит. — Боюсь!
По-по-могите, птицы! —
Кого же он боится?..

А. Гиргинов

Рисунки болгарского
художника К. Георгиева

Два скрипача

ОДНОАКТНАЯ ПЬЕСА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Владимир — болгарский пионер.
Валентино — итальянский мальчик.
Пипита — старшая сестра Валентино.
Мария — мать Валентино и Пипиты.
Катерина — подруга Пипиты.
Ринальдо — приятель Валентино.

Действие происходит в одном из итальянских городов, в наши дни.

На сцене — маленькая, мрачная комната с запылёнными стенами, прямо перед зрителями входная дверь. Справа — дверь в соседнюю комнату. В окно виден фасад старого, облезлого дома. Обстановка в комнате скудная: дырявый диван, ободранный стол, по пыльным стенам картинки, вырезки из журналов и газет, среди этой мишуры выделяется треснутая, обклеенная бумагой скрипка. Висит клетка с канарейкой.

На сцене Мария и Пипита. Мария надевает пальто. Пипита прибирает в комнате.

Мария. Как бы на работу не опоздать!..

Пипита. Торопись, мама.

Мария. Куда такую рань убежал Валентино?

Пипита. Пошёл к Ринальдо. Жить без него не может.

Мария. Ринальдо — распушенный парень, не нравится он мне. Ни чему хорошему Валентино у него не научится.

Пипита. Мама! У меня кончаются нитки.

Мария. Какие нитки?

Пипита. Для коврика, который мы вышиваем с Катериной.

Мария. У меня нет ни соли. Сходи попроси у своей тётки. Когда закончите?

Пипита. Ещё немного осталось. Если достанем нитки, завтра будет готов.

Мария. И сразу же несите в магазин. Посмотрим, сколько вам за него заплатят. Ну, до свидания!

Пипита. До свидания, мама!

Мария выходит. Пипита продолжает убирать комнату. Закончив, кладёт в корзину рукоделие и уходит. Канарейка весело поёт. Входит Валентино — быстрый, энергичный пареньёк, в старых, заштопанных брюках. Вздвинуто оглядывает комнату.

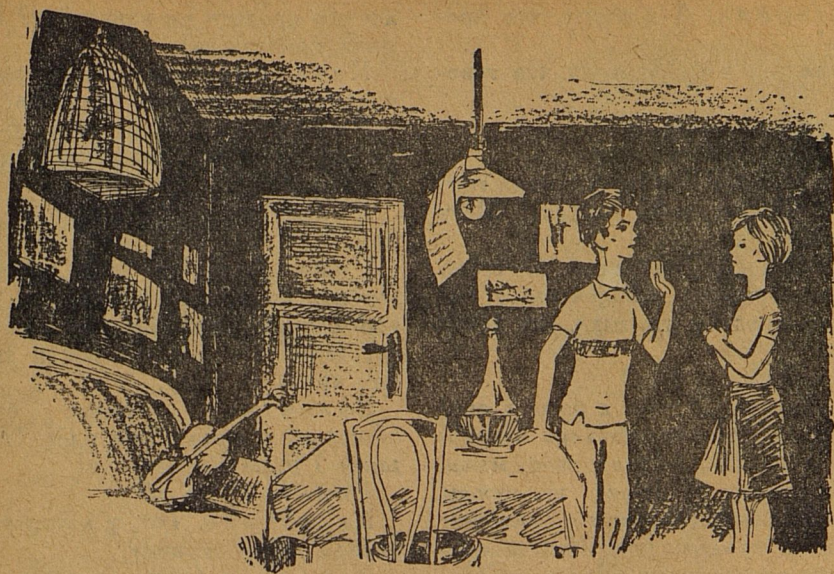
Валентино (кричит). Пипита!.. Пипита!.. (Заглядывает в соседнюю комнату и, убедившись, что никого нет, открывает окно и ложится на подоконник.) Ринальдо!.. Входи!.. (Закрывает окно и, взглянув на канарейку, грозит ей пальцем.) Смотри, молчи! Если кому-нибудь скажешь, берегись! Понятно?

Входит Ринальдо. Он ровесник Валентино, одет не лучше его. В руках у него что-то завернутое в тряпку.

Ринальдо. Чуть не столкнулся с твоей сестрой. Но пока всё идёт хорошо. Бери! (Сбрасывает тряпку и подаёт Валентино футляр со скрипкой.)

Валентино. Давай! (Берёт футляр.)

Ринальдо. Где думаешь спрятать?

Валентино. На чердаке. Там много разного хлама: тряпки, газеты. В них и закопаю.

Ринальдо. Годится. Всё лето пусть там лежит. Никому не показывай.

Валентино. Конечно нет. А летом я буду работать в порту; скажу, скопил денег и купил скрипку.

Ринальдо. Прячь её скорее, пока никто не пришёл.

Валентино. Взгляну ещё разок. (Открывает футляр и достаёт скрипку. С восхищением смотрит на неё.) Хороша! Вот это скрипка!

Ринальдо. Не то что твоя развалина. Ради такой стоило рисковать. Надеюсь, маэстро, вы мне пришлёте один билетик на ваш первый концерт?

Валентино. Хочешь, сейчас сыграю?

Ринальдо. Гениально! Соседи сразу догадаются, что не твоя. Бегите на чердак, маэстро!

Валентино (кладёт скрипку в футляр и, проходя мимо клетки сканарейкой, весело кричит). Джиджи, у меня скрипка!.. Настоящая скрипка!.. (Уходит в соседнюю комнату. В другую дверь стучат.)

Ринальдо. Войдите!

Входит Катерина.

Катерина. Ринальдо?!

Ринальдо. К вашим услугам, синьорина Катерина!

Катерина. Валентино здесь?

Ринальдо. Пошёл к голубям, сейчас придёт.

Катерина. Сейчас? А если через час? Некогда ждать. (Направляется к двери, за которой скрылся Валентино.)

Ринальдо. Куда? Стой! (Хватает её за руку.)

Катерина. Пусти!

Ринальдо. Не пущу. Спугнёшь голубей.

Катерина. Он мне срочно нужен.

Ринальдо. Терпение, синьорина, терпение!

Катерина. Грубиян! Ты не имеешь права!

Ринальдо (смешно кланяется). Извините, синьорина!

Катерина. Если бы ты знал, зачем он мне нужен, ты вёл бы себя иначе.

Ринальдо. А зачем?

Катерина. Не твоё дело!

В дверях показывается Валентино.

Валентино. Что такое?

Катерина. Валентино, пляши! Я нашла человека, который купит твою канарейку.

Валентино. Я не продаю её.

Катерина. А говорил, что продаёшь!

Валентино. Мало ли что говорил!

Катерина. Жаль!

Валентино. Почему?

Ринальдо. Графиня, у меня есть ворона. Великолепно каркает! Могу продать.

Катерина. Перестань. С тобой не разговаривают. (Валентино.) Валентино, если бы ты знал, кто хочет купить!

Валентино. Кто?

Катерина. Утром я была в зоологическом магазине синьора Марио. Вдруг в магазин входят двое: мальчик и синьор. Говорят на чужом языке. Потом заговорили с синьором Марио на итальянском. Интересовались его канарейками. Долго их рассматривали. Но, вероятно, канарейки им не понравились, потому что они скоро ушли из магазина. Тогда-то я и вспомнила о твоей канарейке. Догнала их и сказала, что знаю одного паренька, который имеет лучшую канарейку в городе. Они захотели её увидеть. Сейчас они на улице, ждут, когда я их приглашу посмотреть канарейку.

Валентино. Скажи им, что я не продаю канарейку. Нечего смотреть.

Ринальдо (Катерине). Пусть зайдут! (Валентино.) Почему ты не

хочешь продать им канарейку? Катерина, приведи их!

Катерина. Они иностранцы. Заплати тебе сколько захочешь.

Ринальдо. Хватит болтать. Веди их! (Толкает Катерину к двери. Та выходит.)

Валентино. Всё равно не продам.

Ринальдо. Не будь ребёнком! Почему не продать? Как раз удобный случай. Скажешь, что иностранцы дали тебе много денег и ты на них купил скрипку.

Валентино. Может быть... (Смотрит в окно.) Вон идёт. (Испуганно.) Ринальдо, это он!

Ринальдо. Кто?

Валентино. Тот, у которого мы украли вчера скрипку.

Ринальдо (тоже смотрит в окно). Верно.

Валентино. Что же делать?

Ринальдо. Молчать. Ведь он идёт за канарейкой, а не за скрипкой.

Валентино. А если он нас видел и узнает?

Ринальдо. Ерунда! Страшнее смерти ничего не бывает.

Входят Владимир и Катерина. Владимир одних лет с итальянскими ребятами. Одет прилично. Держится свободно, по-дружески.

Владимир. Добрый день! Извините за беспокойство. Ваша подруга сообщила, что вы собираетесь продавать канарейку. Можно её посмотреть?

Ринальдо. Пожалуйста!

Владимир (внимательно рассматривает канарейку). Да!.. Такую-то я и искал.

Ринальдо. Жаль, что она сейчас не поёт. Надо её слышать, чтобы оценить по-настоящему.

Владимир. Я знаю эту породу. Стоит мне увидеть канарейку, и я скажу, хорошо она поёт или плохо. У меня была такая же. Но однажды не прикрыл плотно дверцу клетки и кошка её съела. Как я переживал! С тех пор ищу канарейку той же породы и не могу найти. Откуда она у вас?

Ринальдо. Это не моя, его.

Катерина. Подарок дяди, моряка.

Валентино. Катерина спутала. Я не продаю её. Как вы любили свою канарейку, так и я люблю свою.

Владимир. Жаль! Извините, я не хочу вас лишать того, что вам дорого.

Катерина. До сих пор горюете о своей канарейке?

Владимир. Нет, о канарейке я почти забыл. Я потерял нечто более дорогое.

Ринальдо. Что?

Владимир. Вчера на вокзале в сутолоке у меня украли скрипку.

Катерина. Скрипку?

Владимир. Да. Украсть у скрипача скрипку — всё равно что вырвать у него сердце.

Катерина. Подождите! Так вы тот самый скрипач, который сегодня вечером даёт концерт?

Владимир. Да.

Катерина. Я видела в газете ваш портрет. Вот почему, когда я встретила вас в магазине, мне показалось, что я вас где-то видела, но где, не могла вспомнить.

Ринальдо. Вы иностранец?

Владимир. Да. Я болгарин.

Катерина. Вы очень хорошо говорите по-итальянски.

Владимир. Мой любимый скрипач — Паганини, и потому я решил выучить язык, на котором он говорил.

Катерина. Валентино тоже играет на скрипке.

Валентино. Катерина!

Катерина. А что? Вы коллеги. (Владимиру.) Если бы вы слышали, как он играет! Все, кто его слышал, говорят, что он мог бы давать концерты, правда, если бы у него была получше скрипка. Верно, Ринальдо?

Ринальдо. Конечно. Но он скоро купит себе хорошую скрипку и тогда будет давать концерты.

Катерина. Валентино, сыграй что-нибудь, пусть гость послушает.

Валентино (раздражённо). Оставьте меня! Никакой я не скрипач...

Ринальдо. Катерина, помалкивай, не твоего ума дело.

Владимир. Это ваша скрипка?

Валентино (мрачно). Да.

Ринальдо. Видите, совсем не для концертов.

Катерина. А ваша скрипка была хорошей?

Владимир. Очень!

Катерина. Значит, концерт вечером не состоится?

Владимир. Состоится. Ваш профессор Джованни уступил мне свою скрипку. Сегодня утром я на ней репетировал. Великолепный звук! Вечером услышите. Надеюсь, вы придёте на мой концерт?

Катерина. Мы на концерты не ходим.

Владимир. Почему?

Катерина. Нет денег на билеты.

Ринальдо. Катерина!

С улицы доносится чей-то голос: «Владимир!.. Владимир!..»

Владимир. Меня зовут. (Подходит к окну.) Сейчас иду. (Валентино.) Хотя вы и не продали мне канарейку, я очень доволен, что мы познакомились. Вы мне доставите огромное удовольствие, если придёте вечером на концерт. Вот билеты!

Катерина (радостно). Чудесно!
Валентино. Но... я не могу... Я не хочу...

Владимир. Вы меня очень обидите, если откажетесь!

Ринальдо. Валентино, бери!..

Валентино. Хорошо, возьму, но при одном условии.

Владимир. Принимаю любое.

Валентино (снимает клетку с канарейкой и подаёт её Владимиру). Тогда и вы не откажите! Прошу!

Владимир. Продаёте?

Валентино. Нет, дарю.

Ринальдо. Валентино, что ты делаешь?

Владимир. Спасибо... Но я не могу принять такой подарок... Ведь это ваша любимая канарейка... Даже если бы вы её продавали, не взял бы... (Снова слышится голос: «Владимир!.. Владимир!..») У моего учителя лопнуло терпение! Вот вам билеты. Не лишайте меня удовольствия увидеть вас среди публики! До свидания! (Уходит.)

Катерина. Я вас провожу. (Выходит вслед за Владимиром.)

Валентино. Вот это парень! А мы украли у него скрипку!

Ринальдо. Ну и что из этого! А какой он музыкант, вечером увидим.

Гаснет свет. В темноте звучит скрипка. Звучание постепенно усиливается. Освещен только Владимир, играющий на скрипке. Снова темнота. Скрипка продолжает петь. Из темноты выплывает квартира Валентино. С улицы входит Валентино, стоит некоторое время у двери и, убедившись, что мать спит, на цыпочках проходит в соседнюю комнату. Вскоре он возвращается, в руках у него футляр со скрипкой. Тихо ступая, выходит на улицу. Снова темнота. Затем сцена освещается. Владимир, закончив игру на скрипке, кланяется под бурю аплодисментов и возгласов «браво». Темнота. Гул аплодисментов удаляется и наконец затихает.

Освещается дом Валентино. Обстановка та же, нет только клетки с канарейкой. У окна сидит Пипита, вышивая коврик. Входит Катерина.

Катерина. Не закончила еще?

Пипита. Осталось совсем немного. Вот только уголок. А ты узнала, когда он уезжает?

Катерина. Да. Сегодня в семь пятнадцать вечера. Мы ему вручим прямо на вокзале. А где Валентино?

Пипита. Не знаю. Ушёл чем-то взволнованный, вернулся в отличном настроении. Потом опять убежал.

Катерина. Маленький скрипач произвёл на него сильное впечатление.

Пипита. Я хочу предложить маме, чтобы она разрешила Валентино бросить школу и поступить на работу. Тогда можно будет скопить денег на скрипку.

Катерина. Да, но денег надо много. Ну, я пойду.

Катерина уходит. Пипита вышивает, тихо напевая.

Входит Валентино с клеткой в руках.

Пипита. Продавать ходил?

Валентино. Нет. Хотел подарить болгарскому скрипачу. Но он уехал.

Пипита. Уехал! Откуда ты знаешь? Не может быть! (Убегает.)

Валентино вешает клетку над окном, снимает со стены скрипку, смотрит на неё пристально. Входит Ринальдо с газетой в руке.

Ринальдо (раздражённо). Что ты сделал со скрипкой?

Валентино. Пока ничего. Но я готов отправить её ко всем чертям. Я уже не скрипач. Я сожгу её, чтобы и духу её не было. Ты видел, что такое скрипач?

Ринальдо. Я тебя спрашиваю не о твоей скрипке.

Валентино. Откуда ты знаешь?

Ринальдо. Из газет. Читай. (Подаёт ему газету.)

Валентино (читает). «Вор, разтроганный концертом гостящего у нас скрипача, вернул украденную у него накануне скрипку».

Ринальдо. Когда ты успел это сделать?

Валентино. Во время большого антракта.

Ринальдо. Когда я не захотел пойти с тобой?

Валентино. Да.

Ринальдо. Понятно!.. На чём теперь будешь играть? На этой?

Валентино. Я же тебе сказал: никакой я не скрипач и никогда им не стану.

Ринальдо. Ты совершил большую глупость!

Валентино. Я должен был её вернуть! Я не мог бы на ней спокойно играть.

Ринальдо. Что ж, это убедительно.

Раздается стук в дверь.

Валентино. Войдите!

Владимир. Добрый день, друзья! (Валентино и Ринальдо смотрят на него растерянно.) Как хорошо, что застал вас. Пришёл проститься!

Валентино. Вы играли великолепно! Мы просто в восторге! Я был в гостинице, искал вас, но мне сказали, что вы выехали.

Владимир. Да, я оставил гостиницу рано утром. Был в гостях у профессора Джованни. От него и поеду.

Валентино. Очень рад, что зашли. Теперь, надеюсь, вы примете мой подарок? (Снимает клетку и подаёт Владимиру.)

Ринальдо. Я тоже прошу вас принять этот подарок!

Владимир. Хорошо. Я возьму. Но в свою очередь у меня к вам просьба.

Валентино. Ко мне?

Владимир. Да. Если вы читали сегодняшние газеты, то знаете, что скрипка, которую я потерял на вокзале, нашлась. Кроме того, профессор Джованни подарил мне свою, ту, на которой я вчера играл. Вчера не было ни одной, а сегодня две. Для одного музыканта это много. Вы тоже скрипач и должны иметь хорошую скрипку. Прошу вас. (Подает скрипку.)

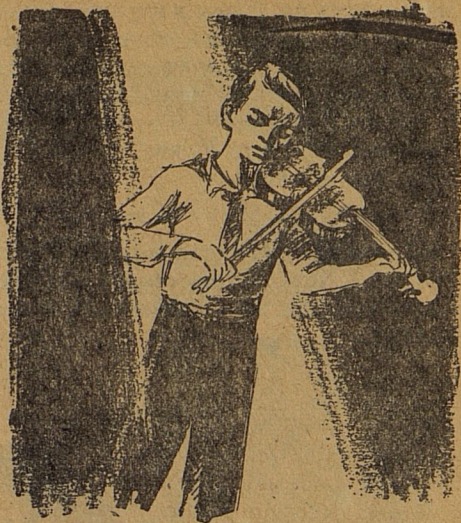
Валентино. Вы мне дарите свою скрипку?

Владимир. Прошу вас, возьмите! Зачем мне две? Вчера вечером, когда я после концерта вернулся в гостиницу, администратор подал мне скрипку и сказал, что нашёл её у моей двери с запиской, прикреплённой к футляру, со словами: «Передать болгарскому скрипачу». И больше ничего.

Валентино. Нет... Я не могу её взять...

Ринальдо. Валентино, не делай глупости!

Владимир. Почему?

Валентино (взволнованно). Нет, не могу...

Владимир. Нет. Вы не можете мне отказать. Я же взял вашу единственную канарейку!

Валентино. Я... А вы... Вы не знаете, что ваша скрипка вчера целый день лежала в паутине на чердаке нашего дома.

Ринальдо. Валентино, замолчи!

Валентино. Не могу молчать. Я тот, который украл её у вас на вокзале...

Владимир. Вы?

Валентино. Да, я...

Владимир. И вчера вечером вы принесли её в гостиницу?

Валентино. Да.

Владимир. Ничего. (Пауза.) Будь у вас отличная скрипка, вряд ли бы вы сделали такое. Но больше об этом ни слова. Скрипка — ваша! Возьмите её! И оба будем играть: я на итальянской скрипке, вы на болгарской. Будем играть на них в честь дружбы между нашим и итальянским народами. Прошу вас!

Валентино (беря скрипку). Благодарю вас!

Входят Мария, Пипита и Катерина.

Мария (удивленно). Ба! Никак гости!

Владимир. Пришёл попрощаться с друзьями.

Мария. Поздравляю со вчерашним успехом! К сожалению, вчера не могла быть на вашем концерте, очень устала на работе, но, по словам дочери и сына, вы играли великолепно! (*Жмёт его руку.*) Видно, что живёте в стране, которая заботится о талантливых детях. У нас, к сожалению, такого нет...

Катерина и Пипита шепчутся.

Пипита. Это для вас. (*Подает коврик.*) Хотели уже отправлять его по почте, так как сказали, что вы уехали...

Владимир. Очень тронут. Вы сами его вышили?

Пипита. Вместе с Катериной.

Валентино продолжает держать в руках скрипку.

Мария. Валентино, может, ты хочешь сыграть в честь гостя?

Ринальдо. Конечно! Играй, Валентино!..

Валентино играет. Все его слушают с восторгом.

ЗАНАВЕС

Перевёл с болгарского А. Агапов

Советы постановщику

РЕЖИССЁРУ, который захочет поставить пьесу «Два скрипача» на школьной сцене, придётся столкнуться с некоторыми трудностями.

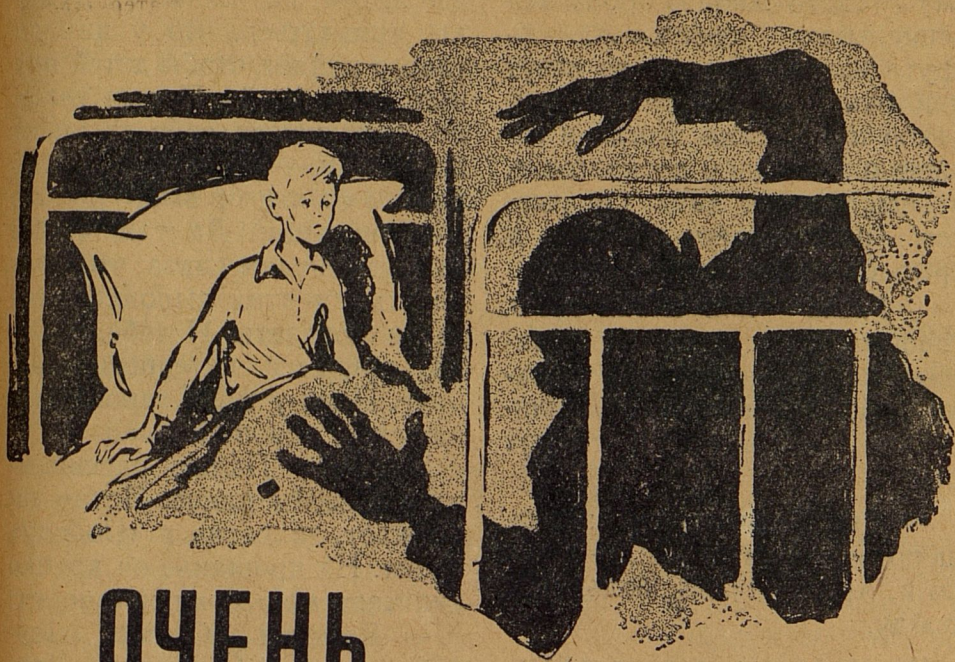
Прежде всего: где взять скрипача, который исполнил бы на сцене или за сценой несколько музыкальных пьес? Конечно, хороший юный скрипач найдётся не во всякой школе. Но во многих школах есть магнитофоны. Почему же их не использовать? Запишите заранее на магнитофон отобранные вами произведения, исполняемые на скрипке, и в нужный момент за сценой включайте музыкальное сопровождение. Кстати, на магнитофоне можно регулировать и громкость звука, приближая или отдаляя его. Ну, а если нет магнитофона, то обыкновенный патефон найдётся наверняка. Подберите к нему пластинки с выступлением скрипача, и музыкальное оформление спектакля обеспечено. Актёрам, исполняющим роли Валентино и Владимира, останется только имитировать игру на скрипке.

Музыкальных скрипичных пьес вам нужно подобрать две. Одну — для Владимира — лучше напевную; другую — для Валентино — быструю, лёгкую, хорошо, если из итальянских мелодий.

Трудность вторая. В ремарках к пьесе сказано: «Освещён только Владимир, играющий на скрипке». Осветить его подобным образом можно с помощью прожектора «пистолета», дающего тонкий направленный луч. В этом случае Владимир должен стоять в глубине сцены, а прожектор — в зале, позади зрителей. Если же у вас такого прожектора нет — опускайте занавес, и пусть Владимир играет на авансцене; потом — при поднятом занавесе — снова перед зрителем комната Валентино. Снова опущенный занавес — и снова Владимир со скрипкой. Музыка при этом звучит непрерывно, даже и тогда, когда Владимира нет на авансцене.

Оклеивая комнату Валентино картинками из журналов, старайтесь подбирать их на сюжеты из жизни зарубежных стран. Клетка с канарейкой — чисто буаффорская, и сделать её нетрудно. Остальные вопросы постановки также особых трудностей не представляют.

ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

ПОВЕСТЬ

У дома, взвизгнув тормозами, останавливается машина.

— Сюда, Артём Палыч, в окно, — слышим мы Севкин голос, и кто-то добродушно отвечает ему:

— Да ты что, очумел, парень? Разве я с моей комплекцией в такую щель пролезу?

— Председатель, — торопливо говорит Катя. — Молодец, Севка, самого разыскал!

Я вспоминаю, что мама всегда кладёт ключ в щель над дверью, и кричу:

— Над дверью ключ! Над дверью пошарьте.

— Вот это другое дело, — басит Артём Палыч.

Лязгает замок, скрипит дверь, и он входит в комнату. Севка проскальзывает вслед за ним.

— Ну, где тут ваш самый главный поджигатель? — спрашивает председатель колхоза и внимательно смотрит на меня из-под надвинутой на самый лоб чёрной папахи.

Артём Павлович невысок и плотен, и, когда садится у моей кровати, табурет под ним жалобно взвизгивает. Глаза у него с хитринкой, а брови густые, как пшеничные колосья.

Продолжение. Начало см. „Искорку“ № 4—9 за 1962 г.

Пока я коротко рассказываю ему о своей жизни, брови эти непрерывно шевелятся: то круто изламываются, то лезут под шапку, то сходятся на широкой переносице. Когда я говорю о минувшем воскресенье, у него темнеет лицо. Он рывком расстёгивает пальто и срывает с шеи шарф.

— Гады, — покусывая губы, говорит он и до хруста сжимает пальцы в тяжёлые кулаки. — Ах, гады! — И поворачивается к Катьке: — И ты тут была?

— Была, — чуть не плача, шёпотом отвечает она. — Только я, Артём Палыч, больше не пойду.

Он несколько секунд раздумывает, прикрыв глаза тяжёлыми, разрисованными тоненькими жилками веками, а потом говорит:

— Нет, Катерина, пойдёшь. В последний раз пойдёшь. Мы

ведь давно об этом осином гнезде знаем, да только не думали, признаться, что у них до такого пойдёт, чтобы детей под нож. — И Артём Палыч тяжело постукивает себя кулаком по колену. — Ну что ж, в этот раз им от нас не выкрутиться. Всех возьмём. Да так, чтобы открыть людям глаза, чтоб показать им этих выродков, голыми показать. И тебе, Сашка, придётся потерпеть ещё, друг. План у меня такой есть; кажется, хороший план.

И Артём Палыч рассказывает о своём плане. Потом он уезжает, захватив в «Победу» ребят. На прощанье он крепко сжимает мою руку и говорит:

— Держись, Сашка! Держись, браток! Слышишь? Держись!

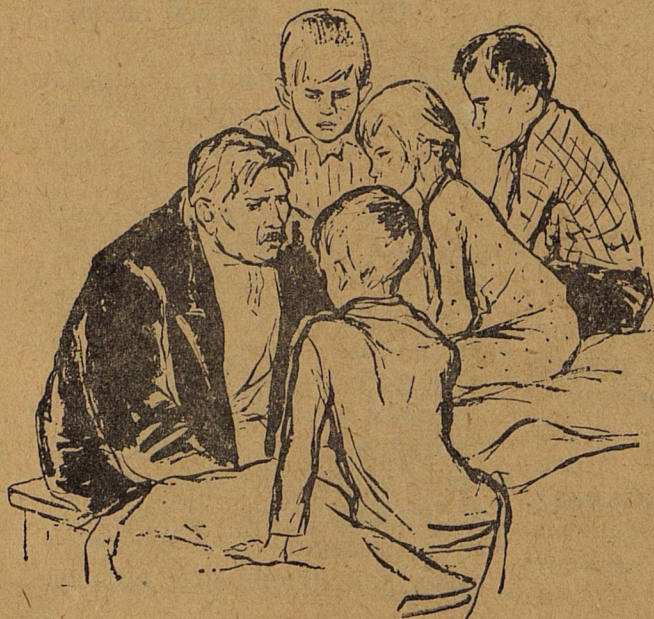
Вечером мама долго и нудно ругает меня за то, что я так неаккуратно обращаюсь со спичками, заколачивает выбитое окно листом фанеры.

— Так ведь и сгореть недолго, — растерянно говорит она, разглядывая обгоревшие обои. — И как ты только потушил их?

— Оде я л о м сбил, — отвечаю я и отворачиваюсь.

Хорошо ещё, что нет старухи. О ребятах и председателе маме я не говорю ни слова. «Так будет лучше», — сказал Артём Палыч.

Я ему верю.

КОНЕЦ ОСИНОГО ГНЕЗДА

В воскресенье утром я проснулся и выглянул в окно. Сверкающая белизна так полоснула по глазам, что я зажмурился. Ночью выпал снег, и Качай-Болото изменилось, словно какой-то добрый волшебник перекрасил его белой краской.

Снег был всюду, далеко у самого горизонта расплывались края пушистой скатерти, наброшенной на землю, на дома, на деревья. Она запрятала под собой разбитую, заплывшую жирной грязью дорогу, прикрыла побуревший бурьян под нашим окном, испятнала крыши и собрала у забора — и откуда только они появились! — отчаянно орущих сорок. Она загнала Мурзу в будку, и пёс выглядывал оттуда и принюхивался к сухому морозному воздуху, и морда у него была не свирепой, а глупой и растерянной. Петух отважно прошествовал мимо него, трясая пламенным гребнем и оставляя за собой чёткую цепочку следов, а он его даже не облаял.

И в комнате, в моей комнате, где стоял затхлый и кислый воздух, а половина окна была заколочена фанерой, стало светло и запахло снегом.

Синий-синий стоял невдалеке лес, синий-синий расстилался у густых ёлочек снег, и солнце выбивало из него золотистые искры. Они вспыхивали острыми льдинками и гасли, чтобы через мгновение снова запылать таким нестерпимым жаром, что казалось, вот-

вот осядет, почернеет под ними снег и побежит по полю звонкими голосистыми ручейками.

Надвинулись на грачинье гнёзда пушистые шапки; высокие липы, разбежавшиеся вдоль дороги, и чёрные тени от них разлиновали снег, и каждая ветка, каждый сучок чётко отпечатались на нём. И дым из труб не прижимается к земле, а штопором ввинчивается в озябшее небо и тает там, под синим солнцем, колючим и ярким.

Здравствуй, зима! Здравствуй, солнце! Долгонько же ты не появлялось этой осенью. Видно, хорошо отоспалось за низкими облаками, хорошо умылось холодными дождями, хорошо расчесалось звенящими ветрами! Так свети же сейчас, слышишь! — во всю силу свети, потому что сегодня я вырвусь отсюда, потому что сегодня — конец осиному гнезду, которое свили себе на отшибе от дороги и от людей дядя Петя, «брат» Гавриил с красными, как у кролика, слезящимися глазами и бабка Марыля.

Вчера вечером вернулся дядя Петя. Видимо, он был не очень доволен своим походом, потому что скинул поддёвку, выпил бутылку рыжего самогону и прямо в сапогах завалился спать, никому не сказав ни слова. Бабка явилась днём раньше. Она два часа перемывала мне косточки за пожжённые обои и выбитое окно, а потом целый день копалась в своём сундуке и что-то без

устали бормотала себе под нос. И опять я давился и чихал от густого нафталинового облака, которое невидимкой расплзлось по комнате. А ей — хоть бы что! Всунула голову в сундук, а лопатки под чёрной кофтой так и ходят, так и ходят, как два кривых ножа. Эх, подложить бы под её сундук магнитную мину! Интересно, что бы из него вылетело?

А вот и дядя Петя встал, хрипло требует огуречного рассола. Вот он сопит над ковшом и довольно икает. Потом с хрустом потягивается и, гремя сапогами, идёт ко мне. Сегодня я не натягиваю на голову одеяло, я не боюсь его.

Он заходит хмурый, обросший злой чёрной щетиной, садится на испуганно хрустнувший табурет и принимается неторопливо рассматривать меня. У него липкий взгляд, сегодня он впервые смотрит на меня в упор, раньше его глаза всегда бегали по сторонам. Я заглядываю в них, в колю-

чие, как репейник, глаза, вытянутые узкими щёлочками, и зябко повожу плечами.

Он замечает это и вдруг улыбается. Вернее, улыбаются у него только губы, они растягиваются и чуть заметно дрожат, глаза же остаются холодными и чёрными, как маленькие лесные роднички.

— Вот ты скажи мне, Сашка, — неожиданно говорит он и начинает скрести пальцами по волосатой груди, — вот ты скажи мне, для чего живёт человек?

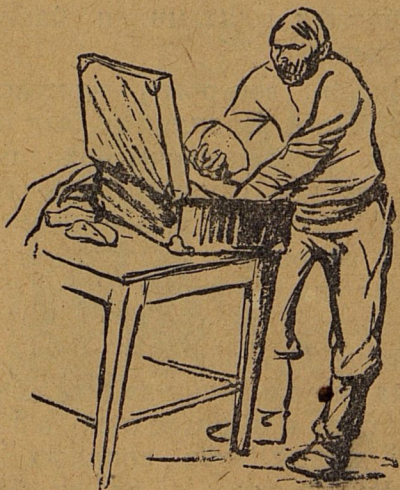
И облизывает отвисшую мокрую губу.

Я растерянно пожимаю плечами. А он, видно, вчера здорово перепился! Иначе чего ради стал бы говорить со мной на такие темы?

Я отворачиваюсь. Но он пересаживается ко мне на кровать и настойчиво допытывается:

— Нет, ты скажи, слышишь, ты скажи! Вот для чего ты живёшь? И мать твоя? И все прочие люди? Ты ведь много книг прочитал, я знаю. И очень мне интересно узнать, что ты на сей предмет думаешь.

Я молчу. Я на сей предмет не думаю ничего. Я просто хочу жить. Я хочу жить, чтобы рядом были дядя Егор и Лёнька, Венька и Алёша, Григорий Яковлевич и Катька... А для чего? Чтобы профессор Сокольский вылечил меня. Чтобы окончить школу и стать... Кем же? Конечно доктором. И победить все болезни на свете. Все до одной. Вот для чего мне хочется жить.

Мама гремит на кухне по-дойником. Солнце высекает из снега золотистые и синие искры. Он хочет меня сегодня убить. Чтобы я не видел этого снега. Чтобы я не построил снова ракету. Чтобы Каткина мама принесла ему деньги, которые она отложила своей дочери на платье или на валенки. Чего он от меня хочет со своими разговорами?

— Ага, не знаешь? — мелко-мелко похохатывает он и застёгивает рубашку. — А я, брат, знаю.

И вдруг наклоняется надо мной:

— Вот ты, скажем, во что веришь?

— Я — в коммунизм, — отвечаю я и приподнимаюсь на подушке.

— А ты лежи, лежи, — говорит дядя Петя и задумчиво жуёт нижнюю губу. — В коммунизм, значит? А какой тебе, мил человек, прок от этого самого коммунизма? Ты ведь калека, на тебя дунь, вот ты и погас, ровно свечка.

— А я для себя особого прока не ищу. При коммунизме всем людям хорошо будет. Понимаете? Не мне одному, а всем, всем до одного.

— И мне, значит? — оскаливает дядя Петя мелкие почерневшие зубы.

— Вам — нет, не пустят вас туда, — решительно отвечаю я.

— То-то и дело, что не пустят, — охотно соглашается дядя Петя. — А поскольку до коммунизма ещё далеко, надо мне, выходит, в этой жизни устраиваться, потому как хоть

и короткая она, а прожить её надо хорошо. Хорошо надо жизнь прожить.

Сейчас он меня ударит. Сейчас он схватит меня за горло своими короткими толстыми пальцами с обломанными ногтями, и... это будет конец. Ну и чёрт с ним. Всё равно я не могу молчать!

— Сволочь вы, дядя Петя, — хрипло говорю я. — Сволочь и гад, самый распоследний гад.

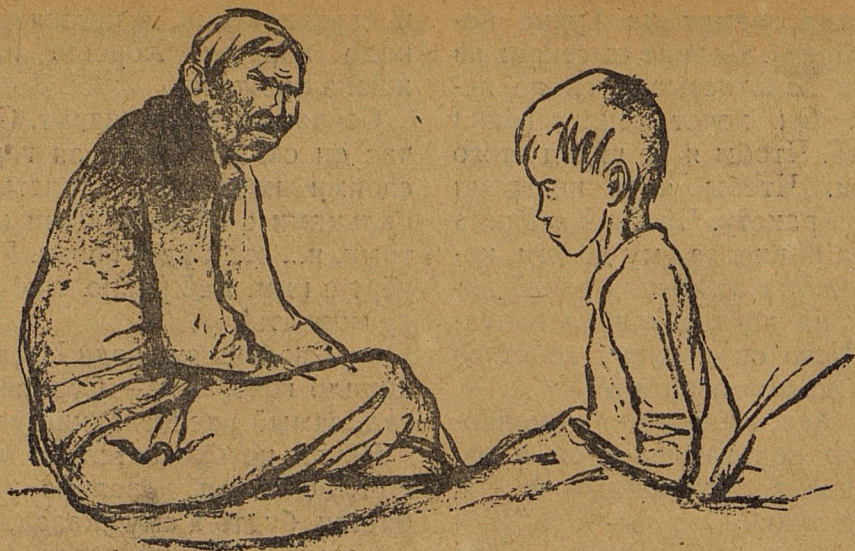
Но он не бросается ко мне. Нет, он снова довольно улыбается, будто я ему сказал, что он самый лучший человек на свете, и только под глухой щетиной у него набухают скулы и тонкие, плотно прижатые к сплюсненному черепу уши медленно наливаются кровью. Он хлопает себя по тугому колену, и смех осколками стекла булькает у него в горле.

— Угадал, ей-богу угадал, — наконец говорит он. — Сволочь я и есть. А всё почему? Потому что тоже жить хочу. Не там, — и он показывает тупым пальцем в потолок, — а здесь. А что нужно для того, чтобы здесь прожить в полное своё удовольствие? Деньги, брат, нужны, вот что! А где их взять, позволительно мне спросить?

— Заработать, — коротко отвечаю я.

— Ну, это уж дудки. Я ведь толковал тебе, что жизнь человеческая — миг перед лицом господним. Так что, выходит, я этот миг должен тратить на то, чтобы в навозе копать или там за станком вкалывать? Шалишь, брат. А денег мне

надо многие тыщи. Чтобы я жил, значит, в полное своё удовольствие. И не в этой вот хате, а где-нибудь возле моря тёплого. И чтоб было у меня — ну чего только душа захочет: коньячку там, жратвы всякой... И забор чтоб был. Здоровый, до самого неба забор. Чтоб ни одна блоха его пере-сигнуть не могла.

Он глубоко вздыхает, и глаза у него начинают блестеть, словно их смазали маслом.

— Вот так, Сашка. И была б эта красивая жизнь у меня, и ничего бы я больше у господ-бога нашего не просил. А деньги — это, брат, главная сила. Агромадная сила! Потому как за них всё можно очень даже запросто купить — шурум-бурум всякий, почёт, уважение, солнце даже купить можно. Завёл себе такую лампу, — кварцевая, что ли, — и грейся в полное своё удовольствие. А уж лю-

дей-то, и-их! Помани только рублём — враз побегут. Так-то, мил человек.

Я приподнимаюсь на кровати и, задыхаясь, говорю:

— Побегут, говорите? Такие как вы — побегут. И старик побежит. И бабка. А дядя Егор не побежит! И Венька не побежит! Он за экскаватором побежит, а за рублём — ни в жизнь. Потому что плевать он на ваш этот самый рубль хочет!

Дядя Петя хмурится.

— Егор... Н-да, — бормочет он, — этот, возможно, не побежит. Точно, не побежит. Но ведь таких, как он, по пальцам посчитать можно. Он ведь чудной! Квартирку-то ему на одного давали, а он комнату матери твоей уступил: «Потеснимся, мол, пока, а то у Анюты совсем никудышная квартира. А ей дитя — это тебя, значит, — забирать из санатория надо». И уступил. Сам в

райисполком ходил, ордер выполнял. — И с силой добавляет: — Нет, таких, как твой Егор, раз-два и обчёлся.

— Неправда, — с ликованием отвечаю я. — Это таких, как вы со стариком, раз-два и обчёлся. А таких, как дядя Егор, — миллионы. Миллионы таких!

Дядя Петя скребёт чугунный затылок.

— Бреешь, — убеждённо отвечает он. — Бреешь. Всяк человек себе тянет. Даже курица, и та к себе гребёт. Ну-ка, глянь на свою ладонь. Почему пальцы к себе идут, а не от себя? От бога!

Он поворачивает голову и смотрит в окно, на дорогу, на которой машины уже успели расписаться рубчатыми следами. По горлу у него, вспарывая жёлтую кожу, взад-вперёд бегают острый кадык.

И вдруг я начинаю понимать, почему он сегодня так со мной разоткровенничался. Ведь я для него уже больше не существую. Вечером он убьёт меня, чтобы загрести побольше «монет» и «шибануть» туда, где есть красивая жизнь с забором до неба. А поговорить ему хочется. И — не с кем. Со стеной? Скучно. А со мной — даже интересно, — я огрызаюсь. И никому не расскажу, о чём он здесь толковал. Потому что жить мне осталось, по его расчётам, от силы часов десять — двенадцать, да и на эти часы я привязан к кровати в комнате с обгоревшими обоями и куском фанеры в окне.

Ах, если бы люди, если бы

все эти бешеные, которые соберутся к нам сегодня, могли услышать его речь! Но им он будет говорить совсем другое, совсем другое...

Мама приносит мне завтрак, и он уходит, шаркая тяжёлыми сапогами по жёлтым доскам пола.

...А Веня со своей командой сегодня, наверно, играет в снежки. Или делает снежную крепость. А может, уже лыжи из кладовой достал?..

— Мама, — прошу я, — принеси мне, пожалуйста, немного снега.

Мама с недоумением смотрит на меня, и прозрачная пелена задёргивает ей глаза. Она выходит, приносит мне целую миску снега и, прикусив губу, возвращается в свою комнату.

Я погружаю в снег горячие пальцы. Снег сухой и лёгкий, как пух, и просачивается сквозь пальцы тонкой мукой. Я размазываю его по лицу, по лбу, снежинки скатываются мне за ворот и маленькими иголочками покалывают тело и застывают капельками воды, а я боюсь пошевелиться, чтобы не растерять их.

Но снег в миске оседает, чернеет, по краям выступает грязная водичка, и я ставлю миску под кровать. Нет, там, за окном, снег лучше, ярче, он голубой и лиловый, и чёрные на нём только тени старых развесистых лип.

Мама на минутку заходит ко мне, чтобы поправить постель, и растерянно шепчет:

— А что мне вчера померещилось, Сашка, даже сказать

тебе не могу. Иду я это, значит, с работы, а навстречу мне «Победа» председателява катит. И вроде рядом с ним сидит — ну кто бы ты думал? Сам дядя Егор. Сидит и за ус себя дёргает. Только глянула я, а машина и промчалась. Больно шибко шла. — Мама вздыхает и ловко взбивает мне подушку. — И надо же, чтоб до того похожая личность была! Прямо обомлела я вся.

У меня гулко стучит сердце, его стук, наверно, слышен по всему дому. Значит, дядя Егор здесь! Значит, приехал. И всё будет так, как сказал. Артём Палыч!

Мама приподнимает меня и кладёт на подушку.

— Ишь, побелел-то как, господи! — говорит она, и у неё мелко дрожат губы. — Да обозналась я, откуда ему тут взяться-то, дяде Егору. Далек он, ох, далеко.

— Конечно, обозналась, — как можно равнодушнее отвечаю я. — Наверно, начальник какой-нибудь усатый приехал, вот ты и подумала, что дядя Егор. Я ведь сколько раз хотел написать ему, а ты мне даже листа бумаги и конверта купить жалеешь.

— Да не жалею я, Сашенька, — тихонько говорит мама и, прижав руки к груди, мягко ходит по комнате, — господи, не жалею! Он, — и она испуганно кивает на стену, за которой сопит дядя Петя, — он не велит. Правду тётя Таня говорила: заел он жизнь мою, совсем заел.

Мне хочется обнять её, раз-

гладить горькие морщинки на её лице, — столько их появилось за эти два месяца, — погладить её красные, с распухшими суставами руки, я тянусь к ней, но пронзительное «Анюта!», которое доносится из-за стены, срывает её с места. Сгорбившись, шаркая ногами, она уходит.

Дядя Петя занят сборами. Он принёс откуда-то из сарая большой жёлтый чемодан, и теперь мать мечется по комнате, подавая ему рубахи, бельё.

— Куда это ты снова собрался? — жалобно спрашивает она.

— А тебе какое дело? — огрызается он. — Принеси лучше сала солёного да в чистую тряпицу заверни. Ну, живо!

И мама послушно бредёт в кладовую за салом. Я лежу и сжимаю зубы так, что они начинают ныть. Надо терпеть. «Потерпи, — сказал Артём Палыч, — недолго тебе терпеть осталось, Сашка». Но как утерпишь, если кто-то большой и сильный рядом с тобой так обижает твою мать, так издевается над ней? И я колочу кулаками в тонкую перегородку и кричу:

— Фашист проклятый! Фашист!

— Анюта, уйми своего щенка, а то я ему сейчас голову откручу, — говорит дядя Петя и тяжело ударяет по столу. Жалобно звенят стаканы, а мама вбегает и закрывает мне рот скользкой от сала рукой.

— Сашенька, — шепчет она бледными, потрескавшимися губами, — Сашенька...

Я с ненавистью отталкиваю её руку.

...Всё длиннее и длиннее становятся тени лип за окном, и золотые и синие искры не вспыхивают больше в снегу. Холодный ветер цементирует одну к одной потускневшие снежинки, и тени, как очумелые, мечутся по гладкому белому простору. И лес уже тоже не синий, а чёрный, и вершины елей и сосен где-то на самом горизонте острыми пиками испарывают промёрзшее блёклое небо.

Вечереет. Хрипло рычит Мурза. Протяжно хлопает дверь. Пришёл старик. Дядя Петя хлопочет вокруг него, снимает с него полушубок, а он отдирает с бороды звонкие льдинки и бросает их в угол. Скоро начнут собираться бешеные. И мне становится страшно.

А вдруг сегодня не придёт Катька? Ведь план, который придумал Артём Палыч, во многом зависит от неё. А если она заболела? Лежит теперь, и у неё температура. А на улице холодно. Ветер. Куда она пойдёт?

Нет, она не может не прийти. Она не может заболеть. Венька бы пришёл. Он приполз бы, если бы не смог прийти. И она придёт. Она славная, Катька! Она даже Таньку Копылову жалеет. Она никак не может оставить меня здесь одного.

Всё чаще и чаще хлопает набрякшая на морозе дверь, и холодные струйки воздуха змейками проползают в мою

комнату. Мама переносит меня в зал, где уже начали собираться люди. Сегодня в первый раз за всё время я не упираюсь. Я должен быть там.

Старик сидит за столом и читает Библию. Время от времени он расклеивает красные веки и искоса поглядывает на меня круглыми ласковыми глазами и улыбается в пушистую бороду. Пухлые, маленькие руки его бережно переворачивают страницы, губы медленно шевелятся, открывая розовые беззубые дёсны.

А люди всё идут и идут, хмурые, усталые, озабоченные люди. Старики в потёртых полушубках, дряхлые бабки в чёрных, узлом под подбородком завязанных платочках и подшитых валенках, женщина с маленьким ребёнком, закрученным в толстое одеяло, и ещё одна молодая, краснощёкая, в тугой юбке и хромовых сапогах, в накинутом на широкие сильные плечи белом пуховом полушалке. Я её здесь вижу впервые, она растерянно оглядывается вокруг и покусывает ярко-красные губы. Вот ввалился дурачок Яшка, здоровенный парень лет двадцати, с огромными руками и сонными, как у рыбы, глазами. Он хихикает и трясётся от холода, — на Яшке рваный пиджачок, а вокруг шеи намотано грязное полотенце. Он смиренный и никого не трогает, ухаживает за колхозными конями и живёт в маленьком домике вместе с матерью. Вернее, это только считается, что он там живёт, потому что обычно он

днём и ночью пропадает на конюшне. И пальто своё он определённо накинул на какую-нибудь кобылу, а сам пришёл раздетый. Мне о нём мама рассказывала.

В детстве Яшка переболел менингитом и с тех пор помещался. К нам он приходил каждое воскресенье, сидел в уголке и что-то бормотал себе под нос. А когда бешеные начинали орать и кататься по полу, дядя Петя объявлял, что на Яшку сошёл «святой дух». И Яшка плясал и кривлялся, и выкрикивал всякие непонятные слова. А старик «переводил» их. И у него получалось, что бог говорит Яшке, будто обижается он на бешеных, что плохо они его славят. И все начинали выть и орать ещё громче.

А Катки всё нет и нет... У меня начинают стучать от холода зубы, хотя в комнате так душно, что язычки свечей то и

дело вздрагивают. Лохматые тени бродят по стенам и потолку, голодными огоньками пырсают дяди Петины глаза, беззвучно шевелит старик толстыми губами. Вот он осторожно кашлянул в кулак, и я обмираю. Всё. Сейчас он начнёт читать и толковать Библию, потом — молитва. Катка не пришла.

И в это время я слышу её звонкий голос:

— Господи, спаси и помилуй нас, — говорит она и, тяжело дыша, останавливается у двери. Её мать пробирается вперёд.

Я поворачиваюсь к Кате. У неё скучное вытянутое лицо и пальцы, как всегда, в чернилах. Смирненно потупившись, она ждёт только одного — когда начнётся молитва. Меня не замечает.

Проходит минута, другая. И вдруг обожжённые ресницы её взлетают вверх, она подми-

гивает мне и снова замирает. Бабка Марыля, которая проходит мимо, чтобы запереть в сенях на все засовы дверь, общаривает её настороженным взглядом. Но Катька не замечает её. Маленькая, робкая, в красном коротком пальто, которое она ещё не успела снять, Катька жмётся к спинке кровати.

Начинается молитва. Я смотрю на Катьку, но не вижу её. Одна только белёсая макушка торчит над спинкой кровати, и всё. Затем дядя Петя дёргает маму за рукав, и она запекает песню. Голос у неё дрожит и тонет в хриплых, гнусавых голосах старух.

Молодая женщина в хромо-вых сапогах растерянно вертит головой и поднимается с колен. Но старик тут же оказывается рядом с нею. Он одним только взглядом снова пригибает её к полу, и я догадываюсь, кто эта женщина.

Это та самая продавщица, которая сделала растрату, а старик ей дал деньги. Она боится его.

Старухи уже плачут. Они раскачиваются на скамьях, рвут на себе платья и бьют в грудь сухими кулаками. «Бу-бу-бу!» — ласково бормочет Яшка-дурачок.

Меня начинает трясти, как в лихорадке. Я поворачиваюсь к двери, — Катькина макушка исчезла. Весь обратившись в слух, я улавливаю, как тихонько скрипнул большой засов.

Катька, Катька, славная девчонка с перемазанными чернилами тонкими пальцами и обгоревшими жиденькими косичками! Знала бы эта Танька, которой ребята пишут записочки и которая дразнит тебя, как стоишь ты сейчас в тёмных холодных сенях и, сдерживая дыхание, снимаешь тяжёлый, настывший на морозе засов! Знала бы она, что ты сунула свои руки в огонь, чтобы

выхватить из него красный галстук, и с тех пор навсегда остались на них маленькие розовые рубцы! Знала бы она... Да только ничего она не знает, потому что никому, кроме меня, не рассказала Катька об этом, никто, кроме меня, этого не видел. Но я обязательно расскажу о ней. И тогда Танька прикусит свой паршивый язык, потому что можно быть самым красивым человеком, но далеко ему будет до Катьки, как дяде Пете до дяди Егора далеко.

Я закрываю глаза. Сейчас скрипнет дверь, и дядя Петя бросится к Катьке. Он ведь может убить её куда раньше, чем меня, если догадается, зачем она выходила в сени. Но дверь почему-то не скрипит. Долго-долго. А когда я открываю глаза, над спинкой кровати я снова вижу Катькину макушку. И сухой, колючий ком застревает у меня в горле, и я торопливо сглатываю его и не могу сглотнуть.

А бешеные уже расходились не на шутку. Сплошной вой

рвёт потолок, колеблет тусклый язычок пламени в лампе. У стола — Яшка - дурачок. «Святой дух» уже «сошёл» на него, он вертится на месте, размахивает длинными руками, а на губах у него закипает, пузырится пена. Старухи, как чёрные тени, ползут к нему на коленях, в исступлении протягивая руки.

— Онари, контури, шантора, файмана! — выкрикивает Яшка, и я чувствую, как на мне замирает холодный, цепкий взгляд дяди Пети. Глаза у него запали, ворот рубашки разорван, по отвисшей губе течёт слюна.

— Кровью младенца невинного очиститься от грехов наших велит нам господь, — глухо говорит старик, нависнув над столом, и на мгновение жуткая тишина окутывает комнату.

У продавщицы враз отвисает челюсть, она дико оглядывается вокруг.

Мама отшвыривает её в сторону, подбитой птицей бросается ко мне, заслоняет мою кровать своим телом и пронзительно кричит:

— Не да-а-а-м! Господи, не да-а-а-м!

Лопается и исчезает тишина.

— Дай, дай, дай! — орут переко-

шенные морды, и крючковатые пальцы со всех сторон тянутся к маме. — Дай, дай, дай!

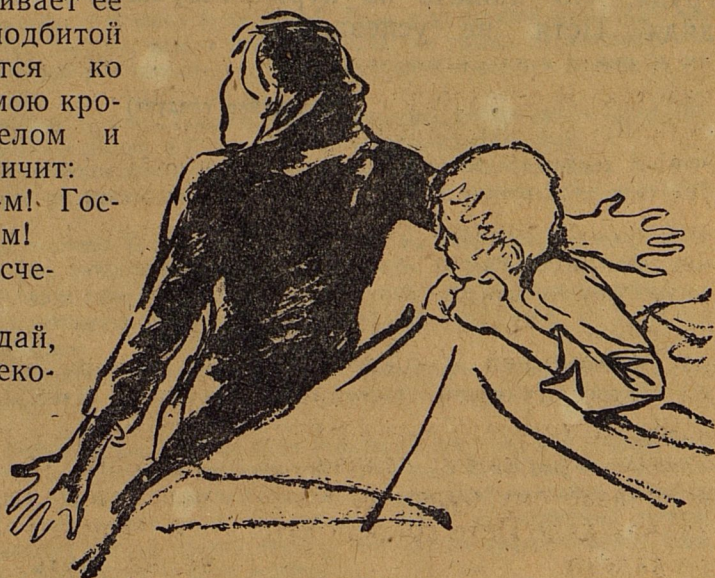
Я чувствую, что от ужаса вот-вот потеряю сознание. Я вижу Катку. Она стоит рядом с мамой и ногами бьёт по протянутым рукам. Я вижу дядю Петю... и в это время с треском распахиивается дверь.

— Стой! Ни с места!

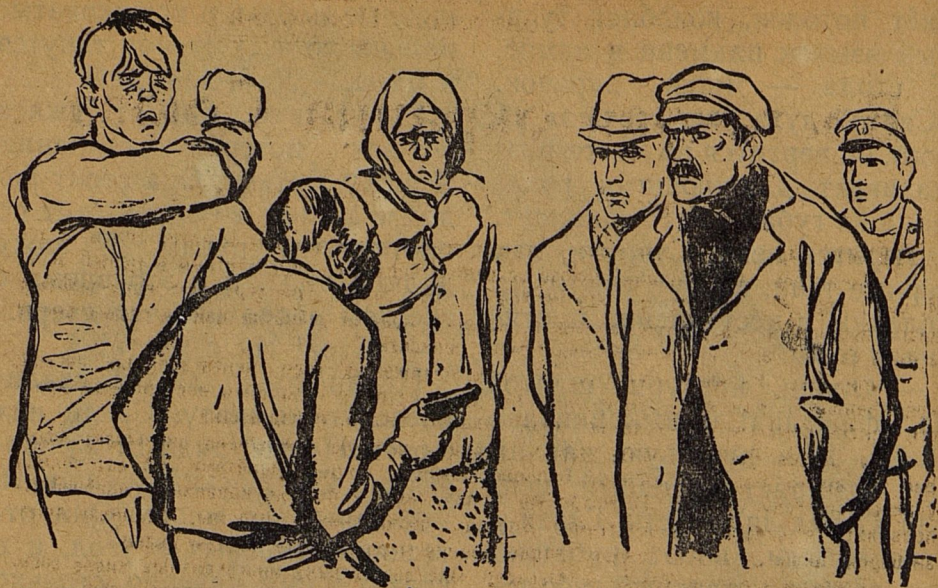
Целая толпа людей вваливается в комнату. Среди них Артём Палыч, дядя Егор, профессор Сокольский, женщины, мужчины. Их много. Они оттесняют бешеных в угол, и в глазах у них, наверно, столько ненависти, что те мигом приходят в себя.

Упав на мою кровать, взхлёб плачет и ломает руки мама. Дядя Егор обнимает её за плечи и прижимает к себе. И снова тишина, страшная тишина повисает в доме.

И вдруг я слышу голос профессора Сокольского. Он пристально смотрит на дядю Пе-

тию, который стоит, низко пригнув голову, возле Яшки-дурачка, и неуверенно говорит:

— Позвольте, позвольте... Кольцов?... Так вот мы где с тобой встретились?

Дядя Петя резко поднимает голову и выдёргивает из кармана руку. Чёрный зрачок пистолета глядит Сокольскому в грудь. Но нажать на курок дядя Петя не успевает, —

страшный удар по голове опрокидывает его на пол. Посмеиваясь, Яшка поднимает отлетевший в сторону пистолет и протягивает его профессору.

А в дом всё идут и идут люди. Улица за окном щетинится зажжёнными факелами. Кажется, весь колхоз не спит в эту ночь.

(Окончание следует)

Восточная окраина Союза

(К фотоснимкам на 2-й и 3-й страницах обложки)

ЛЕНИНГРАД погасил уже море вечерних огней: люди устали, ложатся спать. В это время восточная окраина Союза встречает восход солнца, а с ним и новый день. И, быть может, на Чукотке — это восход из трёх солнц. Три огромных ярко-золотых диска поднялись над чертой горизонта, касаясь краями зубчатой каймы самых синих в мире сопкок. Такое явление весной там не редкость.

Приморье, Колыма, Чукотка — край нехоженных троп, неразгаданных легенд; край Белого Безмолвия и самых злых на земле ветров — зимой и нестерпимой яркости арктических морей — летом; край сильных людей, покоряющих его.

На севере Востока почти девять месяцев ледяное покрывало сновывает моря. Всё это время люди связаны с «Большой землёй» лишь самолётами. Но вот солнцу удалось всё-таки пробить 10-метровую толщу льда, и первые караваны кораблей отправились в далёкое путешествие. Впереди бесконечные штормы, ледяные поля, айсберги. Даже в августе, самом тёплом месяце морские пути забиты льдом.

«Столица золотого края» — Магадан. Она даёт стране много разных видов золота: драгоценный металл, «белое золото» — пушнину, ценнейшие породы рыб.

Сам Магадан давно уже перестал быть землёй, «обиженной богом и покинутой дьяволом», каким его считали буквально 20 лет назад. Прямые проспекты, уходящие прямо к подножью крутых сопкок, пятиэтажные дома со всеми удобствами, театр, филармония, множество кинотеатров и огромный парк на улице Ленина.

Магаданцы называют свой красивый, чётко распланированный город «маленьким Ленинградом». В городе светлые, просторные школы, огромный дворец спорта и уютный Дом пионеров. Все мальчишки и девчонки этого края заядлые лыжники. Ещё бы! На лыжню ребята выходят в сентябре, а заканчивают сезон в последних числах июня. (На снимке: 4-классник Серёжа Андрианов ведёт лыжников в Марчеканскую долину.)

Но вот разбушевавшийся океан занёс в город снежные смерчи пурги. Тогда ребята, осторожно пробираясь по улицам, спешат в кружки Дома пионеров. (На снимке: юные авиамodelисты Магадана: Толя Рубцов, Женя Кожевников, Миша Рубцов.)

Там же на берегах Берингова и Восточно-Сибирского морей сделаны снимки моржа и белых медвежат... Самого опытного, сильного и гордого моржа стая «назначает» вожакom. Он выбирает удобное место для лежбища моржей, чтобы с трёх сторон было море и лишь четвертая сторона была сушей. Пока стая греется на солнце, молодые моржата дерутся ластами, вожак смотрит вперёд: не грозит ли опасность его родичам. И по первому знаку «старосты» вся стая мгновенно бросается в море и отплывает от берега.

Чтобы сфотографировать этого старого моржа, пришлось метров двести подкрадываться ползком в моржовой шкуре, а потом издали наводить телеобъектив...

А медвежат этих поймали для московского зоопарка в чукотской тундре. Им всего по полтора месяца, но лапа такого малыша в три раза больше руки взрослого человека.

Очень интересно охотятся белые медведи, или, как их называют, «умки». Сядет «умка» возле торока над разводной, — кругом всё бело. И ждёт, когда покажется нерпичья голова. Но нерпа тоже «хитрая», поэтому приходится медведю приспосабливаться. На охоте он непременно закрывает чёрный пятачок носа лапой, — тогда его не отличишь от торосины.

Соболь обитает в глухой, захламлённой тайге. Пятнистый олень, наоборот, держится поближе к побережью. Его называют «жемчужиной Приморья» за ценность его пантов (рогов).

Но, бесспорно, самым большим чудом края является женьшень, или корень жизни. Кто и когда открыл его целебные свойства, остаётся тайной, но уже целые тысячелетия человек использует его, как волшебное средство для восстановления здоровья. Ценится женьшень дороже золота, ищут его далеко в тайге, на нехоженных тропах.

В этих удивительных местах нашего востока над морями кружат тысячи чаек, белоснежных, серых, голубоватых и даже розовых.

10000 вёрст пешком

20 АПРЕЛЯ 1914 года ровно в 12 часов дня молодой, энергичный спортсмен Борис Москвин вышел из циклодрома Харбинского общества спортсменов. Вскоре город остался за спиной, а впереди растилялся огромный путь в 10 000 вёрст — до самого Петербурга.

Багаж Бориса Москвина состоял всего из палки, маленькой котомки с контрольной книгой да добрых пожеланий, которыми напутствовали спортсмена - пешехода его харбинские товарищи, провожая в нелёгкий путь. Даже денег у него с собой ни гроша не было. Рассчитывал Борис Москвин добывать средства к су-

ществованию продажей открыток со своим портретом и автографом, но просчитался: на протяжении сотен вёрст единственными живыми существами, которых он встречал, были... медведи.

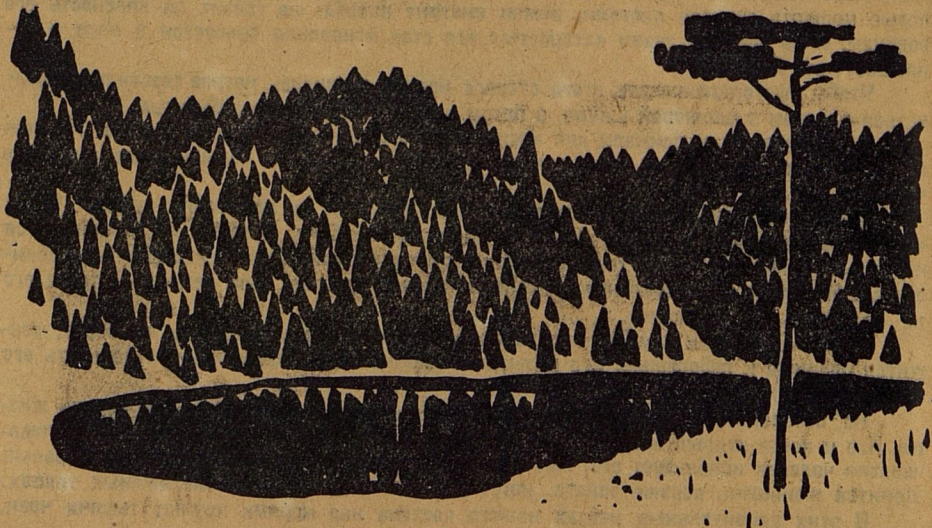
Выручала клубника. «Бывало уплетаешь за обе щёки милую ягоду, — вспоминал он впоследствии, — и не замечаешь, как отмахал в сутки от 50 до 80 вёрст».

На первых порах удавалось пройти в сутки не более 30 вёрст: ноги изрядно распухли. Однако закалка, приобретённая с детства, выручила. Так уж сложилась жизнь Бориса Москвина, что с самых ранних лет доводилось ему с

отцом плавать по Японскому и Охотскому морям, ездить в Якутск на оленях и на собаках, тысячи вёрст отмахать на почтовых тройках. Расстояния его не пугали.

Миновав Хинганский хребет, Москвин вышел в просторы Забайкалья. Изумрудные луга с чёрными речками. Из земли бьют горячие и холодные целебные ключи, о которых европейские врачи и понятия не имеют, а бурятской народной медицине они хорошо известны. Из Монголии тянутся караваны верблюдов.

К спортсмену-путешественнику буряты относились очень сердечно: кормили досыта, поили своим кир-

личным чаем и всё уговаривали остаться пожить ещё денёк-другой. Зато в русских сёлах дело обстояло хуже. В ту пору по сибирским дорогам в одиночку шли одни бродяги да беглые каторжники. Вот и боялось население пускать в дом незнакомого человека.

Однажды Борис Москвин, сильно уставший, голодный, с опухшими ступнями, едва добрёл к ночи до поселения. Стал стучаться в дверь первой попавшейся избы. Вышел хозяин:

— Пошёл вон, бродяга таёжный! Много вас тут шляется, варнаков. Уходи, не то собак спущу.

Перевалив за Байкал, спортсмен очутился в иркутском госпитале. Целых две недели пролежал, пока не поправились ноги.

А потом снова шёл и шёл. Спал часа по четыре в сутки, навёрстывая упущенное в госпитале время.

Вспыхнувшая империалистическая война застала Москвина в Енисейской губернии. Ещё более недоверчиво стали встречать спортсмена: «Кто такой? Зачем и куда идёшь?» Приходилось на каждом шагу показывать контрольную книгу и проходное свидетельство. «Но не смотря на придирки местной администрации и на то, что изнасилось уже 12 пар обуви, настроение у меня было великолепное, — вспоминал спортсмен, — дул во все лопатки!»

Неимоверно тяжёлое, десятилетиячуждое путешествие в одиночку наконец завершено: 7 ноября 1914 года в 10 часов утра Борис Москвин вошёл в Петербург. Всё путешествие он проделал в 6 месяцев и 17 дней. Небывалый рекорд!

Но царскому правительству было на это достижение ровным счётом наплевать.

Уже в 1916 году появилась в журнале статья Москвина «Грустная повесть». «Прошло полтора года, — писал в ней спортсмен, — которые ничего мне не принесли нового и хорошего. О моём рекорде почти никто не знает... Но мне ни сколько не обидно за такое отношение ко мне. Ей-богу, природа — которая прошла перед моими глазами на протяжении 10 000 вёрст пешего хождения, — эта природа так впечатляющая и многогранная, что в её красоте потонуло личное моё спортивное самолюбие.

Контрольная же книга, которая находится у меня... говорит мне:

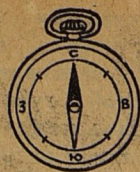
«Вспомни, как шумели вокруг нас с тобою деревья тайги, как плескали чёрные волны Байкала, как заунывно звучала песня бурятских девушек... Вспомни всё это и скажи, что жизнь хороша! Так оно и есть!»

Г. А. ПАЛЕПА

Пёстрые заметки

Рыба чистит канал

В ЗАСУШИЛИВЫХ районах нашей необъятной Родины теперь широко применяется искусственное орошение. Для этого строят каналы, по которым вода подаётся на поля. Но вот беда: эти каналы стали быстро зарастать водорослями. Техника здесь оказалась бессильной. Как быть?

На помощь пришли... рыбы! Учёные вспомнили о белом амуре и толстолобике. Рыбы эти водятся по преимуществу в водоёмах Китая. Они быстро размножаются и очень прожорливы. Установлено, что за сутки эти рыбы поедают по весу столько водорослей, сколько весят они сами. А вес белого аму-

ра достигает пятидесяти килограммов!

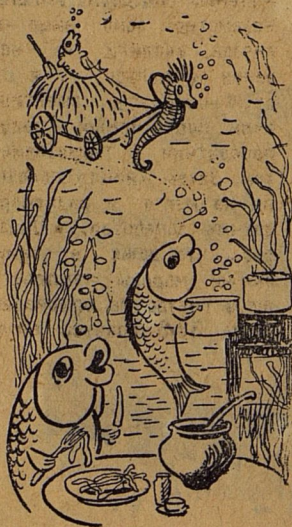
Для опыта на базу Института зоологии Туркменской академии наук завезли из Китая более миллиона мальков белого амура и выпустили их в каналы. Гости оказались на редкость неприхотливыми. Они охотно поедали водоросли, камыши и даже сено.

Китайская рыба прекрасно прижилась в туркменских водоёмах и чувствует там себя как дома.

Так была решена проблема очистки каналов.

РЕКА БЕДСТВИЙ

ХУАНХЭ — крупнейшую водную артерию Китая — называют «рекой бедствий». Многоводная и стремительная, она часто выходила из берегов, причиняя огромный ущерб. Подсчитано, что за четыре тысячелетия эта «напризная река» семь раз меняла русло и почти 1600 раз прорывала дамбы.

ОБЕД ИЗ САРАНЧИ

ВСЕМ известно, что птицы питаются насекомыми. А вот может ли эта пища насытить человека?

Оказывается, может. Термиты, например, по калорийности во много раз питательнее говядины!

Многие народы давно уже употребляют в пищу насекомых. На рынках Антильских островов продаётся сушёная саранча. Торговцы Судана могут предложить вам жареных термитов и гусениц. Ливийцы высушивают саранчу на солнце, перемалывают в муку и потом готовят из этой муки лепёшки.

Кошачий остров

ОДИН английский путешественник — геодезист прибыл на остров Фрегат в Индийском океане. Ночью его разбудило громкое мяуканье. Тысячи кошек, единственных обитателей острова, вышли из нор и занялись рыбной

ловлей во время отлива.

По приблизительным данным, на острове живёт не менее 10 тысяч кошек. Вероятно, их предки попали сюда с корабля, потерпевшего крушение.

...в самой отдалённой от берегов части Северного Ледовитого океана (в так называемом «полюсе недоступности») впервые посадил самолёт русский летчик Черевичный в 1941 году?

* * *

...учёные с помощью радиоактивных изотопов определили возраст Земли? Установлено, что Земля образовалась около 5 миллиардов лет назад. Эта цифра, если и не абсолютно точная, то очень близкая к истине.

* * *

...Ладожское озеро первоначально называлось Нево, что объясняет и название реки, протекающей через наш город?

* * *

...в нашей стране свыше 200 тысяч рек общей протяжённостью около 3 миллионов километров, 1600 крупных озёр с поверхностью в 300 тысяч квадратных километров? Несколько десятков тысяч квадратных километров занимают искусственные водохранилища.

* * *

...за 70 лет жизни человек проводит 23 года во сне, 13 лет в разговоре и 6 лет за едой?

* * *

...в мире производится почти 370 различных типов карандашей? Среди них — более 70 различных цветов и 18 степеней твёрдости. Есть карандаши-лилипуть длиной в 1,25 сантиметра, а есть и гиганты высотой в 3 метра 60 сантиметров! Обычным карандашом можно провести линию почти 60 километров или написать около 50 тысяч слов.

Знаешь ли ты, что?

* * *

...самый большой гриб был найден в штате Нью-Йорк (США) 78 лет назад? Высота гриба-великана — более полутора метров, диаметр шляпки — 1 метр 30 сантиметров, а ножка, на которой покоилась шляпка, была толщиной в четверть метра.

* * *

...во всех странах мира ежегодно вылавливается 30 миллионов тонн рыбы?

* * *

...на глубине 3 тысяч метров под Гольфстримом обнаружено другое быстрое течение? Воды этого течения движутся в противоположную Гольфстриму сторону.

* * *

...жители некоторых островов Тихого океана пользуются напильниками из... рыбьей кожи? Чаще всего это кожа акул. Такими напильниками можно полировать дерево и даже мрамор.

* * *

...в гавайском языке только 6 согласных и 5 гласных? Он очень прост и поэтому необыкновенно труден.

* * *

...австралийский медведь коала совсем не пьёт воды? Необходимую для жизни влагу он получает из листьев эвкалипта — своей основной пищи.

* * *

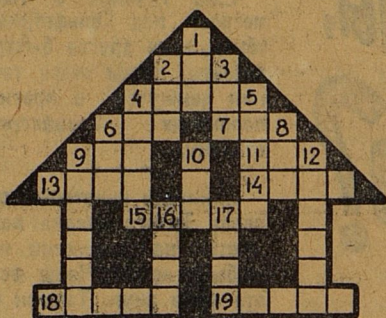
...учёные всё-таки узнали, какова температура в гнезде пингвина? Сделали они это довольно оригинальным способом: утащили незаметно одно яйцо из гнезда, удалили из него белок и желток, а в пустую скорлупу смонтировали портативный радиопередатчик с термозлементом. Затем «яйцо» положили на место, и радиопередатчик заработал... Оказалось, что даже в самые лютые морозы температура в гнезде не опускалась ниже 33,6 градуса тепла.

«ДОМИК»

Кроссворд

(Составила Надя Шевченко,
168-я школа)

По вертикали. 1. Крупный хищник. 2. Напиток. 3. Домашнее животное. 4. Помещение для стоянки автомашины. 5. Безвыходное положение, невозможность продвижения вперёд. 6. Поражение в шахматной партии. 8. Резкая слабость организма в результате ранения или нервного потрясения. 9. Пчеловодческое хозяйство. 10. Мягкий известняк. 12. Мифическое чудо-

вище. 16. Водоплавающая птица. 17. Конечный результат ряда вычислений — результат подсчёта.

По горизонтали. 2. Талон, выдаваемый кассой в подтверждение получения денег. 4. Старинный французский танец. 6. Месяц. 7. Торжественное музыкальное приветствие. 9. Вода в газообразном состоянии. 11. Предлог. 13. Изба, жилой дом. 14. Продукт питания. 15. Нечестный человек, мелкий обманщик. 18. Классная мебель. 19. Осадочная горная порода с ярко выраженными пластическими свойствами.

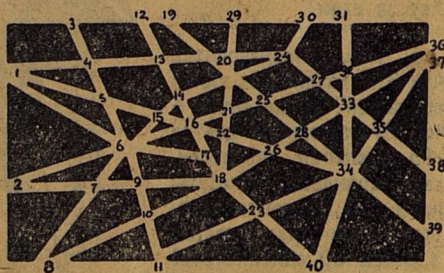

ЗЕЛЁНЫЙ ПАТРУЛЬ

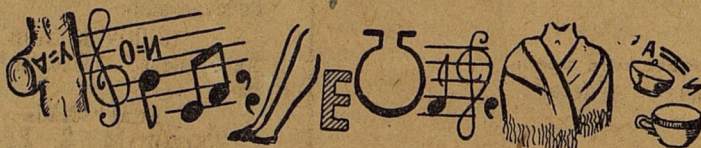
(Прислала В. Файнштейн, Москва)

В парке, план которого вы здесь видите, дежурил пионерский зелёный патруль. Дорожек в парке очень много, пионеров же в патруле всего четыре! Однако они сумели разместить так, что просматривали все без исключения дорожки!

Постарайтесь отыскать четыре перекрёстка, на которых несли вахту юннаты.

РЕБУС

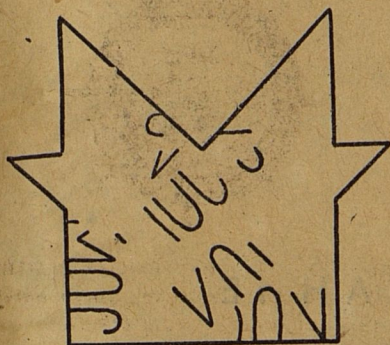

Вы читали эту книгу?..

СЛОЖИТЬ КВАДРАТ

(Составил Миша Чурин, Ленинградская область, Кингисеппский район)

Разделите эту фигуру на восемь равных частей и сложите из них квадрат так, чтобы в нём можно было прочесть какое-то слово... Это слово никогда ещё не было людям таким близким, как сейчас.

ЗАДАЧА-ШУТКА

Когда машина вышла из города на шоссе, начался проливной дождь. Через 20 минут на крутом повороте машину занесло, и она чуть не сшибла столб с цифрой «15»...

1. С какой скоростью шла машина?
2. Какой был у нее номер?

ЗАГАДКИ

Женя Федосов, Слава Ефимов, Лида Корныльева, Лиза Павлова и другие члены литературного кружка Сясьстройской школы № 1 прислали нам несколько загадок, которые они сами придумали. Некоторые из этих загадок мы сегодня печатаем.

Пятнадцать свободных
и дружных сестёр
Ткут вечного счастья народов
Ковёр...

* * *

Он природы всей краса,
Им творятся чудеса.

* * *

Он в полёте невесом,
Звёздный мир ему — как дом.

ПОИЩИТЕ САМИ...

Наш читатель **Серёжа Козлов** пишет, что *барсук*, *бульдог*, *жаворонок* — очень интересные слова, потому что в каждом из них «прячется» кто-то... Так в *барсуке* вы найдёте *барса*, в *бульдоге* — *дога*, а в *жаворонке* — *ворона*!..

Поищите и вы такие же слова — названия животных, в которых кто-нибудь «прячется». Или растений (*крапива* — *ива*...).

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 8 и 9)

ХИТРЫЙ РЕБУС

Части «К»-частик.

КРОССВОРД

1. Аист. 2. Тина. 3. Азот. 4. Гусь.
5. Таль. 6. «Мать». 7. Дуга. 8. Лапа.
9. Кама.

РЕБУС-ШУТКА

В «О» семь букв минус «букв» (четыре запяты!..) = в «О» семь... = восемь.

КРОССВОРД

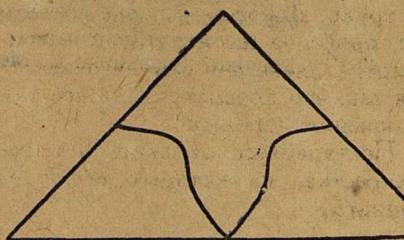
- Слева направо сверху вниз. 1. Ге. 2. Вилка. 3. Ли. 4. Норма. 5. Фа. 6. Рур. 11. Сож. 12. Ия. 13. До. 14. Ку.

- Слева направо снизу вверх. 8. Ил. 9. Оф. 10. Ум. 11. Сев. 15. По. 16. Жилин. 17. Як. 18. Адрар. 19. Ом. 20. Акр.

РЕБУС-ЗАГАДКА

Бел как снег, надут как мех, на лопатах ходит (гусь).

НА ТРИ ЧАСТИ

Решение смотрите на рисунке.

ЗАДАЧА С КОЛЬЦАМИ

Консультация.

ЦЕПОЧКА СЛОВ

Мина, навес, весло, лото, томат, матрос.

АНАГРАММЫ

1. Скульптура. 2. Разочарованность. 3. Архитектор. 4. Шоколад.
5. Хладнокровие.

СОДЕРЖАНИЕ

Октябрь. Стихотворение Миши Зив, ученика 243-й школы.	1
Чаша терпения. Очерк А. Орлянского	2
Парни Земли голубой. Песня А. Мурина на слова В. Бет- таки	8
«Фифа несчастная» Рассказ М. Черкашиной	10
Север, запад, юг, восток. Стихи поэтов В. Кузнецова, Н. По- ляковой, С. Смирновского и П. Кобракова	16
Кислород. Рассказ Л. Шестакова	20
Орбита идёт вверх. Рассказ В. Суслова	29
«Тонкая» работа. Стихотворение А. Шibaева	31
Про художника рассказ, да к тому же — и про нас. Сти- хотворение С. Погореловского	32
Барсук. Сказка И. Феона	33
Кого боится гусь? Загадочная картинка художника К. Бек- ташева	35
Два скрипача. Одноактная пьеса А. Гиргинова	36
Очень хочется жить. Продолжение повести М. Герчика	43
Восточная окраина Союза (текст к фотоснимкам на 2-й и 3-й страницах обложки)	57
10 000 верст пешком. Г. А. Палёпа	58
Пестрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На первой странице обложки — «Впервые на заводе».
Рисунок П. Вискова.

На второй и третьей страницах обложки — «Восточная окра-
ина Союза», фоторепортаж к 40-летию Советского Приморья.

На четвертой странице обложки — «Дождик, дождик, пуще!»
Рисунки художника В. Меньшикова.

Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, центр, Фонтанка 57 (вход с Торгового пер., 1)
Телефон А 4-54-90

Сдано в набор 13/IX 1962 г. Подписано к печати 22/X 1962 г. 4 печатных листа
М-07241 Заказ № 1416 Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆ Цена 10 коп. Тираж 75 000

Типография им. Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

ДОЖДИК, ДОЖДИК, ПУЩЕ!..

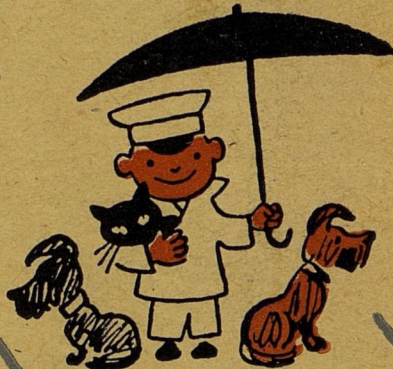
ПОЛНАЯ "КОРЗИНКА"

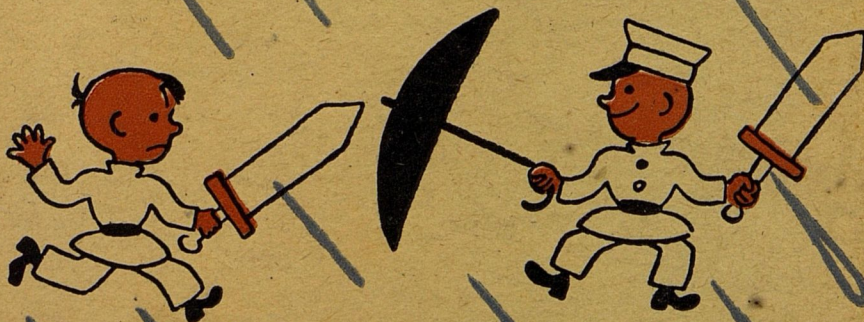
ПОДРУЖКИ

ПАПА И Я

КАК ТУТ ВСЕХ УПРЯТАТЬ?

НЕ ПО ПРАВИЛАМ